

Дан ЭРХОВИЧ

ТО ДА СЕ
ИЗ ГОРОДА
АВОСЬ ДА НЕБОСЬ

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

♦ САНТАКС-ПРЕСС ♦ 1996

Дит ЭКХольм

ТО **ДА** **СЁ**
ИЗ **ГОРОДА**
АВОСЬ **ДА** **НЕБОСЬ**

художник А. Шахгелдян

Перевод со шведского
Людмилы Брауде

Хотите побывать в сказочном городе, населенном беззаботными животными, веселыми птицами и неунывающими полевыми зверьками? А узнать о забавных приключениях, в которые они то и дело попадают? Тогда прочитайте новую, впервые переведенную книгу шведского писателя Я.Экхольма «То да Сё из города Авось да Небось». Нашим маленьким читателям Я.Экхольм известен по другой, уже полюбившейся сказке «Тутта Карлссон Первая и единственная, Людвиг Четырнадцатый и др.».

ISBN 5-88970-059-6

© Перевод Брауде Л.Ю., 1996
© Илл. Шахгюлян А.А., 1996
© Издательство «Сантакс-Пресс», 1996

Однажды... Но ведь так начинаются все сказки! А на сей раз все будет по-другому. Поэтому лучше сказать так: «Однажды прогуливались пес и кот».

Обычно собаки и кошки не ладят друг с другом, но эти двое были самыми закадычными друзьями на всем свете.

— С чего мы, собственно говоря, начнем? — уныло спросил пес. — Я не знаю.

— Да и я тоже, — признался кот, погладив усы. — Может...

— Нет... — прервал его пес, — как мы недогадливы! Прежде чем продолжать, нам, само собой, надо рассказать, кто мы такие.

— Ясное дело, как же мы раньше не подумали об этом?! — мяукнул довольный кот.

— Тогда я расскажу о тебе, а ты — обо мне, — решил пес. — Так будет лучше всего. Начинай первым!

Кот снял маленькую зеленую тирольскую шляпку и учтиво раскланялся.

— Его имя — Сё, а мое — То, — начал кот.

— Мое имя — То... это — ужасно странно, — тявкнул пес. — Мое имя — То! Хо-ха!

— Сё — очень добрый и милый пес, — беззаботно продолжал кот. — Вообще, он настолько хорош, насколько бывает хорош пес. Но, как и у всех собак, у него, разумеется, есть свои недостатки. Например, взгляните, в каком виде его одежда! Рубашка выбилась из брюк. И, позвольте, разве это не дырка на его брюках?!

— Я забыл починить их утром, — принялся оправдываться Сё. — Как приду домой, сразу этим займусь.

— Ты обещаешь это уже целую неде-

лю, — не унимался То. — Ты — ленив, вот в чем твоя беда! Но ты хороший товарищ, — продолжал он более мягко, — а уж в проказах тебе и вовсе нет равных.

— Еще бы, — ухмыльнулся пес, помахав хвостом, торчавшим из дырки его брюк в красную полоску. — Склонен думать, что я самый лучший пес во всей округе, на многие сотни метров.

— У нас с Сё — одна маленькая хижина на двоих и мы отлично ладим, — продолжал То. — Еду мы готовим сами, но мне приходится все время быть начеку. Потому что Сё съедает в три раза больше меня, особенно если это свиные косточки или сапожный крем с молоком.

— Настоящая вкуснятина, — облизнулся Сё. — Хотя лучше сапожный крем с привкусом малины. Тогда мне не пришлось бы чистить зубы. Но теперь я расскажу о тебе...

В отличие от То, Сё на первый взгляд не кажется красавцем. Но если разглядеть его карие глаза, то видно, что на самом деле он довольно симпатичный пес. Сейчас он засовывает рубашку в брюки, поправляет желтую шапочку на голове и начинает рассказывать о своем друге — коте:

— Позвольте мне произнести несколько хвалебных слов в адрес То. Добр и прекрасен, особенно если принять во внимание, что он — кот. Я, возможно, не совсем из тех, кого принято называть «красавец», да и никто не станет этого утверждать, но все мисс-фрекен¹ говорят так о То. Такой шикарной шубы ни у одного зверя нет. Меня это, впрочем, не удивляет, ведь он все время вылизывает ее, только этим и занимается.

Откровенно говоря, То — образец тех, кого я называю «кот-пижон». Подумать только! На нем зеленая тирольская шляпка с пером! Когда-то у меня тоже была шляпа — правда, черная, в которой дьявольски хорошо было таскать кости. Но в один прекрасный день она бесследно исчезла.

То всегда носит белоснежную рубашку. Моя же фуфайка становится грязной через пятнадцать секунд после того, как я ее надеваю. А еще на нем всегда воротничок в синюю крапинку, хотя он ему совершенно ни к чему. Но не хочу говорить о нем ничего дурного. Он хороший кот.

¹ М и с с — барышня (англ.); ф р ё к е н — барышня (шв.).

Здесь и далее — прим. пер.

— Ну, одно дело сделано, — сказал польщенный То. — Что придумаем дальше?

— Не знаю, — ответил Сё. — А может, кому-нибудь покажется удивительным, что кот и пес так мирно уживаются друг с другом?

— Ну, это оттого, что мы проказничаем куда больше всех, нам весело быть вдвоем, — продолжил То.

— Хо-хо! — ухмыльнулся Сё. — Мы говорим уже как Стихоплет-кузнец господин Нильссон у нас дома, в Городе Авось да Небось.

— Да! — воскликнул То. — Надо еще рассказать о том, где мы живем, иначе никто не найдет к нам дорогу. Так вот, в Город Авось да Небось лучше всего ехать в игрушечном автомобиле, предпочтительней — в синем, который подарила мне в прошлом году на Рождество моя бабушка. Но, само собой, в каком именно автомобиле или какой дорогой, роли не играет, все равно попадешь в Город Авось да Небось.

— Нет, лучше ехать поездом, — вмешался Сё. — Тогда доберешься быстрее. Есть как раз скорый поезд, мы еще называем его «добрым» поездом, поскольку в Городе Авось да Небось злых не водится. Словом, в пять пятнадцать подъезжаешь к

станции, которая называется: «Вот Как!» Затем поворачивай налево, и, если поезд остановится на станции «Быть Может», значит, ты по ошибке заехал слишком далеко. Поворачивай тогда обратно, а затем направо, до ближайшей станции. Там надо переодеть башмаки: в тех башмаках, в которых ты путешествовал, в Городе Авось да Небось появляться запрещено.

— Да и самолетом не так уж и плохо добираться, — продолжал То. — А проще всего — дойти пешком. Ух-х, до чего же холодно там, наверху, в самолете! Один раз мне пришлось одолжить шубу у барана Ульрика, а не то я превратился бы в сплошную ледышку.

Тебе, конечно, хотелось бы узнать, что представляет собой город, в котором живут То да Сё. Тогда слушай!

Как говорил То, в Городе Авось да Небось обитают лишь добрые животные. Когда-то, давным-давно, жили здесь и люди. Но потом все они переехали в Стокгольм, и животные остались одни. И превратили они свой Город в настоящий райский уголок, где каждый благоденствует. Теперь здесь никто не делает того, что не приносит веселья. А когда всем весело, ни у кого нет времени злиться, ведь правда?

Так что не удивляйся, если кошки да мыши играют там в кошки-мышки, но только понарошку. Есть там и петух, но не думай, что он встает в семь часов утра и поет, как другие петухи. О нет, у него есть будильник, который звонит и будит его каждое утро в четверть девятого.

Все в городе вежливы, и часто видишь, как здоровенный конь помогает маленькому кролику. Коровы из Города Авось да Небось дают не только молоко. Некоторые дают лимонад, некоторые — какао со взбитыми сливками, а другие — ванильный соус. Все делятся вкуснятиной друг с другом, и никто не голодает.

Внизу, у железнодорожной станции, всегда стоит такси, в котором сидит такса. Это — шофер Макс, по прозвищу Макс Пятнадцать. Может, это имя кому-то покажется странным?!

На самом деле все объясняется очень просто. В Городе Авось да Небось он — пятнадцатая такса, которую зовут Макс. У бедняги Макса такие коротенькие лапки, что они даже не достают до земли, поэтому ему всегда приходится ездить на машине.

Чтобы не заблудиться в Городе Авось да Небось, стоит проехаться на такси и внимательно посмотреть вокруг. Макс обяза-

тельно вырулит на самую большую улицу. По обеим ее сторонам видны маленькие домишки и магазинчики. Да, все примерно так, как в любом маленьком городке. Впереди — площадь с фонтаном. Есть там и статуя. По-видимому, это — козел. Но смотрите, козел шевелится!

— У нас устанавливают только живые статуи, — объясняет Сё. — Справедливости ради решено, что каждое животное изображает в день своего рождения статую. Сегодня день рождения Билла-Козла. Имею честь поздравить тебя, Билл! Желаю счастья!

Рядом с площадью — ратуша. Поскольку никто не спешит и не обращает внимания на время, вместо часов там висит календарь. Налево — парк. Маленькие ягнята катаются на качелях, а в песочнице несколько щенят пекут пирожки.

— Стоп, стоп! — внезапно кричит То. — Сначала надо поздороваться с господином Нильссоном! Он в кузнице!

Макс дергает за веревочку, и автомобиль замедляет ход.

— Это у него такой специальный тормоз, — объясняет Сё. — Ведь у Макса такие коротенькие ножки, что он не достает до тормозной педали. Поэтому сзади в маши-

не всегда сидит ворон Калле Тормоз. Когда Макс дергает за веревочку, Калле вылетает из машины и кладет перед колесом камень.

— Б-з-з-з-з, вот и я, — жужжит у окошка Калле Тормоз. — Б-з-з-з, но мне пора лететь.

Из кузницы выходит бык, сильный и опасный с виду. Пожимая лапы То да Сё, он говорит:

— *Добрый день, добрый день,*

дорогие друзья,

А также все те, кого не знаю я.

Зовут меня — Нильссон, и я — кузнец,

Всегда веселый, никогда не бываю

сердитым и на дуде игрец.

Не упрямо-быковатый,

а частенько — хитроватый.

— Добрый день, господин Нильссон, — здороваются То да Сё. — Приятно видеть вас.

— Ужас, как пыльно, — кашляет То. — Добрый господин Стихоплет-кузнец, не дадите ли вы мне немного воды?!

— *Нет, вы послушайте только кота,*

Он хочет испить воды из родника,

Да столько, чтоб лилось

из-под воротника... —

ворчит господин Нильссон.

Он идет в кузницу и вскоре возвращает-
ся со стаканом воды.

— *Вот тебе воды стакан.*

Пируй, усевшись на диван.

— *А может, тебе нужен полный
воды маленький вазон? —*

спрашивает он.

— Спасибо, Стихоплет-кузнец, мне и
стакана хватит, — отвечает Сё и пьет во-
ду.

— Ну, а сейчас, Макс, едем дальше, —
командует То. — А вообще-то, господин
Нильссон, приглашаем вас в машину.

Но бык отбивается обеими передними но-
гами:

— *О нет, мне надо в кузницу трудиться,
Мне надо в кузницу трудиться,
Мне надо в куз...*

Стихоплет-кузнец не находит рифму и
почти плачет.

— *Мне надо в кузницу трудиться,* —
снова начинает он. Но тут же останавли-
вается.

— Может, у вас много дел, — подсказы-
вает То.

Бык — сияет.

— Именно так:

*Дел у меня полон рот,
Поэтому вам от ворот — поворот.*

— Бедняга господин Нильссон, — вздыхает То, когда автомобиль едет дальше. — Жаль его. С самого детства он говорит только стихами. Поэтому его всегда называют Стихоплет-кузнец. Теперь он немного постарел и забывает слова. Надо все время подсказывать ему нужные рифмы.

— Что это за сборище уток и гусей там, впереди?! — кричит Макс и сигналиит в рог. — Прочь с дороги, прочь с дороги! Едет Макс, едет Макс!

— О, — стонет Сё. — Это же Кукарека-Петрус из Города Авось да Небось, самый заносчивый и хвастливый его обитатель. Интересно, чем он сейчас хвалится? Выйдем и послушаем!

— Понимаете, — слышат они, как, важничая, говорит Кукарека-Петрус. — Не хвастаясь, скажу, что, я — самый красивый в здешней округе. А кроме того — единственный, у кого есть настоящий гребень на голове и настоящая гребенка. Я каждый день причесываюсь, закладываю лапки за спину, и все курицы уверяют, что я — писанный красавец! Результат — налицо. Ни у кого на свете нет столько жен, сколько у меня. Они все влюблены в Кукареку-Петруса. Как уже говорилось, не хвастаясь, скажу: я — парень что надо!

— Это он-то! — фыркает Сё. — Воображала, вот он кто!

Кукарека-Петрус оборачивается и видит То да Сё.

— Пожалуй, между этими двумя созданиями есть разница, — говорит он остальным птицам. — Кот, разумеется, довольно красив и опрятен, но пес... Фи, какой не-ряха!

О, к нам пожаловал Макс! — продолжает Кукарека-Петрус. — Послушай-ка, завтра для тебя будет неплохая работенка. Ровно в семь часов утра подъедешь к вокзалу и заберешь красавицу-курицу.

Видите ли, — говорит петух, оборачиваясь к слушателям, — завтра рано утром ко мне приезжает жена. Да, по крайней мере, будущая. И все благодаря моей красоте! Чисто случайно увидел на днях в газете ее портрет... Подождите, сейчас сами увидите! Нет-нет, она не утка, это фотография очаровательной курицы.

Птицы столпились вокруг Кукареки-Петруса, чтобы посмотреть на портрет красавицы, о которой шла речь.

— Ее зовут мисс Глория Люнт! Люнт означает Капризница, и она из Америки, — объяснил Кукарека-Петрус. Мисс Люнт завоевала в прошлом месяце первое место на

конкурсе красоты. Я увидел ее портрет и влюбился в нее с первого петушиного взгляда. В письме я рассказал ей, кто я такой, и послал свою фотографию. Я поразил мисс Люнт своей красотой. Она намеревается на днях посетить родственников в Смоланде¹ и воспользуется этим случаем, чтобы встретиться со мной. Мы подробно обсудим вопрос о нашей свадьбе, ведь она поймет, что я — выгодная партия. Разумеется, мои шведские курицы тоже недурны, но американская, друзья мои, на три зернышка лучше.

Поэтому я хочу, — повернулся петух к Максу, сидящему в автомобиле, — чтобы твоя развалюха завтра выглядела как можно парадней. Мисс Люнт привыкла к улыбке доллара, как называют автомобили в Америке. Чтоб она чувствовала себя как дома в Городе Авось да Небось, приказываю тебе вымыть твою громыхалку так, чтоб она походила бы, по крайней мере, на ухмылку трех крон. Подумай о том, чтобы машина блестела примерно так же, как мое оперение. Тебе хорошо заплатят!

Петух перевел дыхание.

¹ Одна из провинций Швеции.

— Ну, друзья, времени у меня больше нет. Поскольку мисс Люнт прибывает очень рано, мне надо завести будильник и вздремнуть после обеда. Прощайте, гуд бай, покедова! Вы наверняка увидите меня утром в обществе мисс Люнт, моей обожаемой мисс Глории Люнт-Капризницы из Америки.

— Едем домой, — проворчал Сё, — чем скорее мы улизнем от Кукареки-Петруса, тем лучше.

— А мне он нравится, — подразнил пса То. — Он похвалил меня, разве ты не слышал? Бедняга Сё, я попрошу петуха одолжить тебе гребенку, чтобы ты тоже стал красивым гав-гав-кавалером.

Сё не ответил, только сердито хмыкнул.

— Я так зол, что почти лишился аппетита, — проворчал Сё, когда они, сидя в хижине, обедали.

— Неужели? — усомнился То, перестав взбивать тесто. — Ты грызешь уже шестую кость.

Сё молча вонзил зубы в большущую свиную кость.

— Если б я мог как следует проучить этого петуха! — немного погодя вздохнул он. — Не следует ли нам немного сбить с него спесь?!

— А как? — спросил То. — Давай, предложи что-нибудь, пока я вылизываю свою шубку.

— Мы могли бы поехать на станцию «Быть Может», остановить поезд и сказать этой американской курице, что Кукарека-Петрус ей не пара, что он — самый уродливый петух в мире, — предложил Сё.

— Но потом она его увидит, и я не уверен, что она согласится с тобой, — ответил То. — Он ведь и в самом деле петух что надо.

— И воображала, — добавил Сё.

Устроившись в кресле, пес крепко задумался. Через несколько минут он так и вылетел из кресла.

— Придумал! — закричал он так громко, что вздремнувший было То подскочил на целых полметра.

— У меня есть идея, как сбить спесь с Кукареки-Петруса!

— И как же? — раздраженно спросил То. — Говори скорее, я хочу спать.

— Тут надо не спать, а действовать, — решительно заявил Сё. — Рано утром, когда американская курица приедет, Кукарека-Петрус уже не будет так гордиться собой. Когда вечером окончательно стемнеет, мы проберемся в курятник и спрячем его

гребенку. Кукарека-Петрус не сможет причесаться, и мисс Люнт сразу разочаруется в нем.

То погладил усы.

— Мяу-у-у, неплохая идея, — согласился он. — Но, пожалуй, немного рискованная... Подумать только, а если кто-нибудь проснется и увидит меня и тебя? Нас назовут ворами, да и вообще затея довольно злая.

Сё нахмурился.

— Уж не боишься ли ты пойти со мной?

— Я — боюсь? — обиделся То. — Я тебя когда-нибудь раньше предавал?

Вечером То и Сё стали готовиться к экспедиции в курятник. После долгих уговоров То согласился поменять белую рубашку на черную, чтобы казаться как можно более незаметным.

Сё надел войлочные туфли. Теперь он крался тихо-претихо. А коту туфли были ни к чему, поскольку коты и без того двигаются бесшумно. Прежде чем покинуть хижину, Сё перерыл все ящики комода.

— Что ты ищешь? — спросил То. — Надо спешить.

— Мне нужна маска на морду, как у всех воров в кино, — ответил пес. — Но я ничего подходящего не нахожу.

— Глупости, — сказал То. — Все и так тебя узнают, хоть в маске, хоть без нее.

— Но мне нужна маска, — заупрямился То и в конце концов натянул на голову носок.

Но не успел пес пройти и несколько шагов, как упал навзничь.

— Ой, как темно, — сказал он. — Я ничего не вижу.

— Глупый! Ты забыл проделать дырки в носке, — прошипел кот.

Сё стащил с себя носок, прокусил в нем пару дырок и снова надел его на голову. Теперь он видел хорошо, и пес с котом шмыгнули к курятнику.

То тихонько подполз к двери и поднял крючок. Дверь негромко заскрипела, когда ее открывали, но, казалось, никто в курятнике ничего не слышал.

То и Сё осторожно вошли в курятник.

— Кажется, удалось, — прошептал Сё. — Я думал, что сердце мое вот-вот остановится.

— Шшш, — шикнул То, — пожалуйста, заткнись!

Они тихонько подползли к насесту Кукареки-Петруса.

Так тихо...

Так тихо...

Так тихо...

И вот свершилось:

— Трах-хх! — Раздался страшный треск.

То наступил на яичную скорлупу. Оба застыли, оцепенев от страха. Неужели их слышали? Звук этот прозвучал подобно удару грома. Но курицы и петух по-прежнему спали. То да Сё уже собрались пойти дальше, как вдруг одна курица встрепенулась.

Неужели их разоблачат в тот момент, когда они так близки к гребенке Кукареки-Петруса?

Это проснулась старая курица Фасолинка. Потянувшись, она надела очки.

— Кто там? — осторожно прокудахтала она.

Пес и кот затаили дыхание. Но Сё не удержался.

— Не-е-т, — заикаясь, произнес он. — З-з-здесь ни-и-икого не-ет.

— Ну, тогда ладно. А то мне показалось, что я слышу какие-то звуки. Видимо, начинаю стареть.

То да Сё с облегчением вздохнули.

Они подкрались к петуху. Теперь оставалось лишь найти гребенку. А она лежала возле зеркала, где ее легко было достать.

Сё быстро схватил гребенку. Затем повернулся к То и подмигнул ему.

— Завтра Кукарека-Петрус не будет таким красавцем, каким был сегодня, — прошептал он. — Я спрячу гребенку под соломой, так что он ее не скоро найдет...

— Вообще-то жалко Кукареку-Петруса, — сказал То, прикидываясь серьезным. — Как по-твоему, может, ему лучше поспать подольше?

Взяв будильник, стоявший под насестом петуха, кот нажал на кнопку.

— Будильник не зазвонит в семь часов утра, — сказал он, обращаясь к Сё. — Ладно, пошли домой.

— Ох и крепко же я буду спать! — устало пробормотал Сё, стягивая с головы носок.

— Но тебе надо рано вставать, — напомнил То. — Нам ведь необходимо быть на вокзале, когда завтра утром мисс Люнт-Капризница прикатит в Город Авось да Небось!

На следующее утро весь Город Авось да Небось был на ногах, и все животные собрались на железнодорожной станции. Господин Нильссона произвели в полицейские, и в честь этого дня он надел свой самый красивый мундир. Он сдерживал на-

тиск толпы, чтобы никто не подходил слишком близко к железнодорожной станции. Самые младшие животные захватили с собой листки бумаги, чтобы взять на память автограф мисс Люнт. Фотограф Города Авось да Небось, теленок Щелк, фотографировал все и всех вокруг, а редакторша Утка из местной газеты описывала все, что происходит.

Начальник станции крысенок Ролик Рельс поднял флаг, а на здании вокзала разместил небольшие американские флажки, чтобы курица-иностранка чувствовала себя, как дома.

На перроне шла репетиция городского оркестра. Крупные животные играли на рожковых инструментах, но все же громче всех раздавались звуки флейт и кларнетов, на которых играли малыши. Слышно было также, как кузнечики и сверчки водили смычками.

Неподалеку шла спевка хора певчих птиц, музыка удавалась им на славу. Больше всех волновались певшие вместе с ними бараны Альрик и Ульрик, исполнявшие сольную партию. Господин Нильссон написал гимн в честь мисс Люнт на мелодию песенки «Бэ, бэ, белый ягненок...», и оба брата время от времени блеяли:

Привет, привет красавица!

О, как ты мила!

Будешь Петрусу жена,

Есть станешь кашу до отвала.

Альрик и Ульрик сначала не хотели петь эту песенку, так как не были уверены, достанется ли мисс Люнт хотя бы ложка каши, если она выйдет замуж за Кукареку-Петруса. Но Стихоплет-кузнец так огорчился из-за того, что его стишок не понравился баранам... И они согласились спеть. Поэтому-то и поднялся в то утро такой небывалый шум на железнодорожной станции.

— Бум-бом, бум-бом, бум-бом, — звучал оркестр.

— Ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля, — выводил трели хор певчих птиц.

— Привет, привет, красавица... — блеяли Альрик и Ульрик.

— Хотим видеть мисс Люнт! — кричали малолетки, терявшие терпение из-за того, что поезд так и не приходил.

Но вскоре Ролик Рельс получил депешу, что поезд на подходе. Все напряженно ждали. Наконец запели рельсы, и там, вдали, показался поезд, который вез мисс Люнт-Капризницу.

Ролик Рельс махнул красным флажком,

и поезд остановился. Дверь вагона открылась.

Животные вытянули шеи. Но это была не мисс Люнт. Вместо нее из вагона выскочили четыре здоровенных бульдога. Они злобно оглядели встречающих и поманили к себе господина Нильссона.

— Мы — псы-телохранители мисс Люнт, — рыкнул один из бульдогов. — Все в порядке?

— Да, господин пес-телохранитель, — произнес бык, от удивления забыв зарифмовать свой ответ.

Бульдог повернулся к вагону, и оттуда вышла мисс Люнт.

— О-о-о-о-о-о-о! — дружно простонали животные. — Какая красавица!

Курица была и впрямь прелестна. Перья ее так и блестели на солнышке. Голова была напудрена; у нее были длинные черные ресницы и покрашенный алой губной помадой клюв. И в тон ей даже когти были намазаны таким же алым лаком.

Она приветливо улыбалась.

— Хеллоу! — прокудахтала она.

— Это означает по-английски: «Привет!» — перевел один из бульдогов. — Мисс Люнт еще не очень знаком язык, на котором кудахчут шведские куры.

Курица продолжала кудяхтать что-то непонятное. Но телохранители перевели, что, приезд в Швецию ей приятен.

Господин Нильссон уже не в силах был сдерживать малышей. Они подбежали к ней, желая взять автограф. Мисс Люнт, смеясь, подписывала их бумажки. Теленок Щелк фотографировал так усердно, что потлился с него рекой. Редакторша Утка строжила без устали, и скоро у нее кончилась бумага.

Когда немного улегся переполох, мисс Люнт недовольно спросила:

— А где же Кукарека-Петрус?

— Да, где же петух? — Животные посмотрели друг на друга. В общей суматохе о нем позабыли.

— Чудно! — сказал конь Мешок. — Может, с ним что-нибудь случилось?

— Надо поискать его дома, в курятнике, — предложил Сё. — Поедем и посмотрим.

В курятнике вначале никто не показывался, но после того, как Макс посигналил, выскочил Кукарека-Петрус.

Какой же у него был вид!

Только-только проснувшийся, с торчащими во все стороны перьями, предстал он перед гостями.

— Это и есть ваш красавец Кукарека-Петрус? — вскричала мисс Люнт. — Да ведь это урод, каких свет не видывал!

И грохнулась в обмороке на землю.

Один из бульдогов подскочил к Петрусу.

— Ты что, шутки шутишь, петух несчастный! — рявкнул он. — Это тебе дорого обойдется!

Петух трясся от страха.

— Не-е-т! Не-е-т! — пронзительно закричал он. — Я не шучу! Но кто-то взял мою гребенку и выключил будильник.

— Г-р-р-р, — заворчал бульдог, и у Кукареки-Петруса подкосились ноги.

— Быстрее отсюда! — скомандовал пес Макс. — Езжай как можно быстрее!

Они внесли мисс Люнт в машину и укатали.

Рядом с курятником осталась лишь туча пыли...

Кукарека-Петрус встрепенулся и тут же нашел свою гребенку.

— По правде говоря, жаль его, — сказал То. — У него и в самом деле несчастный вид!

— Теперь он, может, перестанет воображать, — равнодушно ответил Сё.

Пес оказался прав. После этого происшествия Кукарека-Петрус перестал задирать-

ся. Он не говорил больше о своем гареме со всеми своими женами и, когда кто-либо напоминал ему о мисс Лянт, он только и отвечал:

— Лучше быть мужем десятка куриц в Городе Авось да Небось, чем одной — в Америке.

Кто сыграл с ним такую шутку, он никогда вслух не произносил. Однако и петух, и прочие обитатели Города Авось да Небось подозревали, что без проказников То да Сё дело здесь не обошлось.

Четвертого июня Город Авось да Небось облетела новость: господин Нильссон болен.

У барана Холмфрида как раз было застолье по случаю именин, и всех гостей очень расстроило это событие.

Лошади в кузнице нетерпеливо били копытами. Животные-малыши, обычно наблюдавшие, как работает кузнец, собрались в парке у аттракционов.

— Бедный Стихоплет-кузнец, — говорили они. — Бедный господин Нильссон. А мы ведь предчувствовали, что этим все и кончиться.

Что же случилось со славным быком?

Да, рифмовать он больше не мог. В городе заметили, что у господина Нильссона последнее время случаются нелады с рифмами. А теперь стало так плохо, что дальше некуда...

Бык, совсем несчастный, лежал в кровати.

— Я — бык...

Ослаб... —

повторял он своей жене, корове Куливии.

— Ах, какое же я бесчеловечное создание, — горько мычала она. — Мне надо было лучше ухаживать за ним. Я одна во всем виновата.

Другие животные пытались утешить ее, но ничего не помогало.

В полдень все собрались на площади — обсудить болезнь господина Нильссона.

— Я сразу понял, что этим кончится, — блеял Ульрик. — Утверждать, что мисс Люнт-Капризница станет есть кашу, если выйдет замуж за Кукареку-Петруса!

— Я первый сказал об этом! — возразил Альрик. — А ты — уже после меня.

— Я отлично знаю, что я — первый, — настаивал Ульрик. — Ты...

— Замолчите, бараньи башки, — прервал их конь Мешок. — Нечего препираться. Надо что-то сделать, чтобы Стихоплет-кузнец выздоровел. А не то лошадям при-

дется ходить босиком. Подумать только, как холодно нам будет зимой!

— А чем мы ему поможем? — спросил Ролик Рельс. — Может, мудрая магистерша Сова даст нам совет? Уж если кто и поможет нам, то только она.

— Сейчас же поеду к ней, — предложил Макс по прозвищу Пятнадцать.

— Пожалуйста, добрый Макс, — закричали собравшиеся. — И быстрее возвращайся!

Макс ринулся в путь, а все остальные приготовились ждать его.

— Неужели сова поможет быку?

— Как долго его нет, — зевнул Юн-Пес. — Мне кажется, я засыпаю. Эй, Петрус, кукарекни, когда явится Макс.

— Автомобиль! — вдруг мяукнул котенок. — Разве вы не видите — там облако пыли?

И правда, из-за угла показалась машина таксы. Тут же прилетел с камнем Калле Тормоз. Автомобиль остановился посреди площади.

— Ну, как? — закричали животные.

Но по огорченной мордочке таксы они поняли, что хороших вестей не будет.

— Не получилось, — вздохнул Макс. — Магистерша Сова ничего знать не хочет, у

нее сейчас летние каникулы. Надо пойти к ней снова, когда начнутся занятия в школе.

— Значит, она нас не выручит, — всхлипнула Куливия. — Но, может, кто-нибудь придумает что-нибудь получше?

— Послушайте! — вдруг сказала редакторша Утка. — Мы совершенно забыли о докторе Медведе.

— Но он берет сумасшедшие деньги за визит, — ответила Куливия. — Едва ли мы в силах столько заплатить.

— Если сложимся — сможем, — сказал Сё. — Не беспокойся об этом.

— Вы очень добры, — вздохнула буренка. — Но как нам найти доктора? В это время года он обычно бродит по лесу, чтобы наесться до отвала.

— Этим займемся мы, — пообещали птицы. — Мы летим... Летим!

Словно деревья зашумели на ветру, когда большая стая птиц снялась с места. Взяв курс на дремучий бор, птицы начали высматривать медведя.

Через некоторое время вернулся Буссе-Зяблик.

— Я видел доктора, — радостно защебетал он. — Он сейчас подле самого большого черничника во всем лесу.

— Тогда напишем ему письмо и отпра-

вим его со Свеей Почтовой Голубкой, — предложил конь Мешок.

На куске бересты пес написал:

*«Добрый доктор Медведь, приходи
сейчас же в Город Авось да Небось.
Стихоплет-кузнец господин Нильссон
тяжко захворал».*

Свеа Почтовая Голубка взяла письмо и опрометью полетела к черничнику.

— Ну, — сказал доктор Медведь, прочитав послание. — Не знаю, найдется ли у меня время! Ведь медведю надо наесться впрок, прежде чем начнется зима... Впрочем, для господина Нильссона я все-таки найду время. Только передай своим друзьям в Городе Авось да Небось, что за работу я должен получить целую гору еды.

Сова полетела обратно и передала слова Медведя.

— Добрый Медведь, — обрадовалась Куливия. — Но надо приготовить ему побольше еды!

— Мы принесем орехи, — обещало беличье семейство. — Конечно, берегли мы их на зиму, но тут уж ничего не поделаешь!

— От моих куриц он получит яйца, — сказал Кукарека-Петрус. — А может, Фасолинка приготовит даже вкусный омлет.

Таковыми же щедрыми оказались и остальные животные, поспешившие домой за разными лакомствами. Коровы отвечали за питье и напитки. И вот у дверей кузницы накрыли большущий-пребольшущий стол и расставили на нем все яства.

После этого животные расселись и стали ждать. Поскорее бы явился доктор Медведь и вылечил бы Стихоплета-кузнеца!

А в спальней по-прежнему лежал несчастный бык, повторявший без конца:

— Я — бык...

Ослаб...

Господин Нильссон все время удивлялся, чего это животные так хлопочут, но был не в силах подняться и посмотреть, что происходит.

И тут вдруг поднялась суматоха.

— Он идет, — пролаял Юн-Пес. — Доктор Медведь уже здесь.

Вдалеке по лесной опушке ковылял Мишка, держа в лапе коричневую лекарскую сумку. Нос у него был совершенно синим от черники, которую он съел.

— Добрый вам день! — проворчал он. — Где у нас больной?

Куливия показала на спальню.

Кузнец так удивился при виде Медведя, что разинул рот.

— Высунуть язык! — велел доктор. —
Дышать! Кашлять!

Непрерывно качая головой, Медведь хорошенько осмотрел господина Нильссона. Выйдя из спальни, он сел к столу, чтобы подкрепиться.

— Чем он болен? — спросили все в один голос.

— Стало слишком тепло, — ответил Медведь, тщательно пережевывая пищу. — Не могу обещать наверняка, но, пожалуй, ему станет лучше зимой.

— До зимы далеко! — воскликнула Куливия. — Неужели моему мужу придется лежать в постели все лето и всю осень?

Доктор не ответил. Он только ел и ел. Лакомства одно за другим исчезали в его громадной пасти. Вскоре громадный стол опустел.

— А нет ли у вас, доктор, лекарства, которое ему поможет? — спросил Сё.

— Возможно, поможет снег, — ответил Медведь. — Хотя в это время года достать его невозможно. Сожалею, но мне пора вернуться в лес. Мне надо наесться до отвала.

И он побрел в лес.

— Подумать только, если б у нас осталось хоть немного прошлогоднего снега, —

размечтался конь Мешок. — Что же нам теперь делать?

— Кажется, я знаю, — ответил То. — Мы могли бы вернуться в зиму и собрать немного снега. Если мы забредем далеко-далеко в этот Дремучий лес, то, наверняка найдем место, где прячется зима, и все снова будет в порядке.

— Путь может оказаться неблизким, — задумчиво пробормотала Милле-Тысячешка. — Найдется ли у кого-нибудь из нас столько времени?! Я, например, не могу, у меня слишком много ссадин. По меньшей мере, триста тридцать.

— У меня и у То есть время, — сказал Сё. — Мы охотно отправимся в спасательную экспедицию. Идем, То, домой и соберем сейчас же вещи. Нужно взять с собой побольше одежды на случай холода.

Дома, в хижине, они набили теплой одеждой рюкзаки, на всякий случай прихватили и зонтик. Известно ведь, какая неустойчивая погода бывает в апреле.

— Удачи вам! — сказали все животные. Они долго махали вслед коту и псу, когда те отправились на поиски зимы.

— Возвращайтесь скорее, а то мне уже нужны новые подковы, — попросил конь Мешок.

Когда То да Сё прошли ровно сто четыре минуты, они остановились отдохнуть.

— Интересно, далеко ли нам идти? — простонал То, растирая лапы.

— Кого бы нам спросить? — сказал Сё. — Ни одного животного не видно. А вообще-то, вон скачет заяц. Привет! Эй ты, зайчишка, задержись на минутку!

Заяц подскочил к ним и наострил уши.

— Слушай, ты не знаешь, какой день у нас сегодня? — спросил Сё.

— Невежды, — ответил заяц, доставая часы из карманчика шубы. Сегодня семнадцатое мая. Но — пока! Мне надо бежать дальше.

— Какой странный! — сказал То, почесывая голову. — Смотрит на часы, чтоб узнать, какой сегодня день. Но, главное, мы уже приблизились к зиме.

То да Сё побрели дальше. Было очень тихо, ну просто тихо-претихо, и ни одной живой души вокруг. Скоро начало смеркаться, а лес тем временем поредел. Они вышли на луг и увидели там большой костер.

— Сейчас наверняка вечер встречи весны, — догадался То. — Не остаться ли нам ненадолго погреться у костра?

— У нас нет времени, — ответил Сё. — Подумай о господине Нильссоне.

Друзья продолжили путь. Уже выбившись из сил, они забрались под густую ель и проспали несколько часов. Но рано утром снова двинулись в путь.

Удивительное дело! Раньше земля была сухая, а сейчас она стала влажной.

— Наверняка снег тает, — сказал Сё. — Вот увидишь, скоро мы придем!

Внезапно они оказались у маленького журчащего лесного ручейка.

— Ура! — закричал То. — Знаешь, что мы сделаем? Мы построим плот, тогда не надо идти пешком.

— Замечательное предложение, — сказал Сё. — А то у меня уже стерты лапы.

Они выбрали десяток веток и связали их несколькими толстыми соломинками. Затем осторожно спустили плот в ручей и поплыли.

— Используем наш зонтик как парус, — предложил Сё. — Сегодня дует небольшой ветер, нельзя отказываться от этого шанса. Привет! Привет!

— Я стал моряком, буду зваться Яком! — заорал во все горло То.

Они плыли все быстрее и быстрее.

— Послушай! А вдруг мы не остановимся вовремя, — забеспокоился Сё.

Но боялись они напрасно. Ручей сделал

резкий поворот, однако плот не повернул, а продолжал путь прямо к берегу.

Так То да Сё оказались на берегу.

— Интересно, где мы сейчас?! — спросил Сё.

— Спросите меня, — слышался голос за их спиной.

Это был лис.

— Кто вы такие? — ухмыльнулся он. — Вы ведь не из здешних краев.

То да Сё представились и рассказали о болезни господина Нильссона. Закончив рассказ, кот спросил, какое сегодня число.

— Стало быть, вы этого не знаете, — улыбнулся Лис. — Ну, хорошо. Но сначала, с вашего разрешения, я представляюсь. Я — король здешнего леса, и зовут меня барон фон Миккельсон¹.

То да Сё низко поклонились.

— Вообще-то, мне не очень нравится, что кто-то бродит в моем лесу, — сказал Лис. Но вам я помогу. Если вам нужен снег, добраться до него совсем легко. Но вы сказали, что господин Нильссон утратил способность складывать стихи? Тогда не лучше ли раздобыть иней, вернее, с т и х-иней.

¹ М и к к е л ь — прозвище хитрого лиса в скандинавских, особенно в норвежских народных сказках.

Может, это лекарство ему по-настоящему поможет?

То да Сё посмотрели друг на друга. Разумеется, стих-иней — самое подходящее средство для Стихоплета-кузнеца! Как они сами об этом не подумали!

— В таком случае, — сказал барон фон Миккельсон, — идите прямо к моему другу, графу Барсуку и купите пакет стих-иней в его бакалейной лавке.

— Неужели он продает стих-иней в лавке? — удивился То.

Лис кивнул.

— Удачи вам! — сказал он и с быстротою молнии исчез.

То да Сё, насвистывая, пошли дальше. Как им повезло, что они встретили в лесу самого короля!

Но вот они и пришли. Впереди была вывеска: «Бакалейная лавка Барсука». Они вошли в дверь.

— Вы — граф Барсук, ваше сиятельство? — осторожно спросил Сё, когда за прилавком появилось странное животное.

— Пожалуй, я и впрямь барсук. Но графом я никогда не был.

— Вот как! — сказал То. — Мы хотели бы только купить пакет стих-иней.

Барсук расхохотался.

— Пакет стих-инея? Кто вам сказал, будто я продаю стих-иней?

— Король здешнего леса, барон фон Миккельсон, — ответил Сё. — Он сказал, чтобы мы шли сюда.

— Барон фон Миккельсон? — барсук чуть не задохнулся от смеха. — Вас и впрямь здорово надули. Наверное, это дело лап старого прохвоста-лиса Шустрика!

То да Сё смутились.

— В вашем лесу всегда так обманывают? — проворчал Сё.

— Нет, не всегда, — улыбнулся барсук. — Только первого апреля. С первым апреля вас!

— Нынче необыкновенно поздняя весна, — сказал барсук, — так что идти вам осталось недолго. Идите как шли, все прямо да прямо.

То да Сё надели сапоги, так как было уже по-настоящему сыро. Они пошли дальше, пробираясь сквозь грязь и слякоть.

Через полчаса стало холодно. Дрожа от холода, они натянули на себя свою самую теплую одежду и продолжили путь.

— Наверно, мы скоро придем, — сказал, стуча зубами, Сё.

— Очень надеюсь, — ответил не менее замерзший То.

Они ступили на тонкий снежный покров, который мало-помалу становился все толще.

— Давай остановимся и разожжем костер, — предложил Сё.

Вдруг он прислушался.

— Что-то там происходит. Бежим туда!

Пес был прав. На поляне в лесу они увидели каток, а на катке — уйму животных: лисиц, зайцев, белок, мелких птишек; их было столько, что они едва могли всех разглядеть.

Рядом с катком было нечто, похожее на киоск, в котором животные могли что-нибудь купить.

— Хоть бы там были горячие сосиски, — дрожа от холода, сказал Сё.

В киоске стоял медведь, но совсем не похожий на доктора. Нет, он был совсем белый. Он что-то продавал, но вовсе не горячие сосиски, а иней, вернее, стих-иней. Животные покупали кулечек инея точно так же, как люди покупают мороженое.

— Это лучше, чем сосиски, — обрадовался Сё. — Теперь нам надо лишь захватить с собой кулечек стих-иней, и господин Нильссон поправится. Я возьму одну порцию, и мы немедленно помчимся обратно.

— Большой-пребольшой кулек стих-инея, — заказал он белому медведю в киоске.

И получил громадную порцию велико-лепнейшего, искрящегося голубоватого стих-инея.

— Две монетки кошачьего золота, — сказал медведь, протягивая лапу.

А у То да Сё денег не было! Они думали, что стих-иней можно получить бесплатно. Неужели придется вернуть кулек обратно? Обычный снег, верно, тоже годится, но подумать только — а вдруг Стихоплет-кузнец не поправится?

— У нас нет денег, — вздохнул Сё, протягивая кулек медведю. — Придется господину Нильссону довольствоваться обычным снегом.

— А вы разве берете это лакомство не для себя? — спросил белый медведь.

То да Сё покачали головами и еще раз поведали о болезни быка.

— Так вы говорите, что доктор Медведь посоветовал вам раздобыть снег? — спросил белый медведь.

Они кивнули.

— Тогда вы получите кулек бесплатно, — сказал медведь. — Дело в том, что доктор — мой кузен. А вообще-то меня зовут Исидор.

— Но ты ведь — белый, — заметил Сё. — Ты тоже болен?

— Ах, друзья мои, — рассмеялся Исидор. — Разве вы не знаете, что на свете есть и белые медведи? Но мы водимся чаще всего в более прохладных краях. Я — единственный, кто спустился так далеко на юг.

— А ты не растаешь, если окажешься на солнце? — спросил То.

— О нет, такая опасность мне не грозит, — ответил Исидор. — Но, пожалуй, я чувствую себя лучше, когда прохладно. Стало быть, вас прислал сюда старый бурый медведь? А вы подумали, как понесете с собой стих-иней, чтоб он не растаял?

И верно! То да Сё об этом не подумали. Неужели они зря проделали такой долгий трудный путь?

— А если мы помчимся изо всех сил?! — предложил То.

Исидор покачал головой.

— Не успеете, — сказал он. — Стих-иней растает, прежде чем вы доберетесь до первого апреля.

— Что же нам делать? — вздохнул Сё. — Господину Нильссону необходим этот кулек.

— Можете рассчитывать на меня! — слышался чей-то голос.

То да Сё обернулись. Перед ними стоял бурый медвежонок.

— Что ты еще придумал? — пробурчал Исидор. — Знакомьтесь, это Теддисон. Он воображает, будто он великий изобретатель, — объяснил Исидор.

— Я изобрел чудо, — сказал Теддисон. — Настоящий летательный аппарат. Ты ведь знаешь, Исидор, ту огромную чашку, из которой животные обычно пьют горячий шоколад, когда разбирают рождественскую елку? Я приспособил к чашке мотор и собираюсь использовать ее как летательный аппарат.

— Я от тебя устал, Тедди, — сказал Исидор. — Много лет ты занимаешься изобретательством, но ни одно из твоих изобретений никуда не годится. Между прочим, я предчувствовал, что в этом году будет что-то особенное, поскольку ты не погрузился в зимнюю спячку, как другие бурые медведи.

— Вот именно! — воскликнул Теддисон. — У меня было время, чтобы сделать мое изобретение. Моя летающая чашка для горячего шоколада станет всемирно знаменитой в нашем Дремучем лесу.

— Это только ты так думаешь, — проворчал белый медведь.

— А если нам все же попытаться? — задумчиво спросил Сё. — Для нас это — единственный шанс. Где твой удивительный летательный аппарат?

— Пошли со мной, — сказал Теддисон, и все они прошли в глубь лесной чащи. Под деревом они увидели чашку для горячего шоколада. Правда, она была во много-премного раз больше обычной.

— Возле ручки я вмонтировал маленький мотор, — сказал Теддисон.

— Все это, похоже, рискованно, — заметил Исидор. — Я бы не рискнул подняться в этой чашке в воздух...

— Да, уж больно ты велик для нее, — прервал его бурый медвежонок, — но пес и кот наверняка в ней поместятся. Я, разумеется, ни разу не летал, но ведь когда-нибудь это должно случиться.

То да Сё озадаченно посмотрели друг на друга. Неужели они рискнут отправиться домой в летающей чашке?

— Мы полетим с тобой, — решил То. — Когда стартуем?

— Сейчас же, если хотите. — Теддисон просиял. — Вот только для прочищения мыслей съем черничный кисель.

Когда все было готово к полету, они втроем влезли в чашку. То да Сё попрощались с Исидором и с другими новыми друзьями, явившимися поглазеть, как они тронутся в путь.

— А теперь — старт! — сказал Теддисон, нажав кнопку.

— Брррмм... — загудел мотор, но тут же смолк.

Медвежонок попробовал снова завести его.

— Бррррмммм, брррмммм...

И больше ни звука.

— Твой летательный аппарат и в воздух-то не поднимется, — засмеялись животные.

Теддисон сделал третью попытку.

— Бррмм... Брррмммм... Бррррмммм...

Наконец-то, повезло! Чашка приподнялась над землей. Медвежонок нажал на рычаг. Они поднимались все выше и выше.

— Ура! — закричали животные. — Ура изобретателю Теддисону!

Медвежонок нажал какую-то кнопку, и машина полетела на юг, по направлению к Городу Авось да Небось. То да Сё, перегнувшись через край чашки, изумленно смотрели вниз, в лесную чащу. Животные,

оставшиеся на земле, изумленно глазели на странный предмет в воздухе.

Теддисон резко увеличил скорость, и они увидели, что на земле настала весна.

— Теперь мы наверняка успеем, — сказал Сё, разглядывая кулек, который держал в лапе. — Пока еще ничего не растаяло.

— Кроме того, здесь, наверху, так холодно, что никакая опасность стих-инею не грозит, — сказал медвежонок. — Ну, как вам мое изобретение?

— Ты — просто волшебник, — похвалили его То да Сё. — Как нам тебя отблагодарить?

— О, это вовсе незачем, — ответил Теддисон. — Я и сам ужасно рад, что вы рискнули отправиться со мной.

Они летели уже целый час, и внезапно То, просияв от счастья, воскликнул:

— Видите, там вдали Город Авось да Небось!

Сё и Теддисон глянули вдаль. На горизонте показался город.

— Лучше заранее подготовиться к спуску, — сказал То.

Взяв рюкзаки и зонтик, они стали ждать, когда же снова окажутся дома.

— Подумать только, как все удивятся, —

засмеялся То, — когда мы бухнемся вниз, с неба. Но послушай-ка, Теддисон, пора уже идти на посадку.

Медвежонок ничего не слышал. Он склонился над мотором.

— Теддисон! — закричал То. — Мы скоро прилетим. Начинаем спускаться!

Медвежонок обернулся. В глазах у него стояли слезы.

— Должно быть, в мои расчеты вкралась ошибка! — всхлипнул он. — Чашку нельзя посадить на землю. Можно лететь в ней только вперед, назад и вверх. Но не вниз.

То да Сё побледнели.

— Неужто нам никогда не спуститься на землю с этим стих-инеем? — спросил Сё, взглянув на кулек.

Теперь стих-иней, уже точно, слегка подтаял.

— Я как раз придумываю особый рычаг для посадки, — ответил Теддисон. — Но не знаю, когда он будет готов. На это потребуется время. Пока что я замедлю ход.

Летающая чашка для горячего шоколада парила уже прямо над Городом Авось да Небось. То да Сё видели животных, стоявших на площади и испуганно смотревших

на них снизу. То да Сё помахали им лапами, но никто им не ответил.

— Мы слишком высоко, — вздохнул Сё. — Никто нас не узнает.

Чашка кружилась над городом, но Теддисон так и не смог посадить ее на землю. Стих-иней уже капал на лапу То.

— Может, подождете, пока черничный кисель возымеет действие, — предложил медвежонок. — Но потребуется время, чтобы мои мысли окончательно прояснились.

— Нам во что бы то ни стало надо спуститься на землю, — сказал То. — Я хочу есть.

— Знаю! — закричал Сё. — Придумал! Скоро мы спустимся. Смотри!

Пес показал на зонтик.

— Мы спрыгнем! — сказал он. — А вместо парашюта используем зонтик, точь-в-точь как заправские летчики.

То перегнулся через край чашки.

— Довольно высоко, — жалобно сказал он. — А это не страшно?

Мы должны это сделать, — решил То. — Я возьму кулек в одну лапу, а зонтик — в другую. Ты схватишься за мои задние ноги, а затем мы выбросимся в воздушное пространство. А рюкзаки швырнем на землю уже сейчас.

Животные на площади испуганно отскочили в сторону, когда рюкзаки полетели вниз.

— Ты готов? — спросил Сё.

То кивнул.

— Привет, Теддисон, мы прыгаем вниз!

— Но скоро мой рычаг будет готов, — пробормотал медвежонок.

Когда То да Сё закружились в воздухе, в животах у них похолодело. Но зонтик прекрасно заменил парашют. То да Сё медленно приземлялись. На площади слышались крики.

— Да это же То и Сё! Ура, теперь господин Нильссон выздоровеет!

То мягко приземлился на площади. А следом за ним шлепнулся и Сё.

— Хо-хо! — закричал он. — Вот и мы, а вот и лекарство для Стихоплета-кузнеца.

Он помахал стих-инеем.

Всем, конечно же, хотелось послушать об их приключениях, но рассказывать было некогда.

То да Сё торопились к господину Нильссону.

Они застали быка лежащим в спальне и обливающимся потом.

— Я — бык...

Ослаб... —

как заведенный, повторял он.

— Ты скоро выздоровеешь, — сказал Сё. —
Вот тебе стих-иней. Съешь его — и на-
чнешь рифмовать стихи еще лучше, чем
раньше.

Стихоплет-кузнец осторожно попробовал
стих-иней. И удовлетворенно причмокнул.

— *Вкусна*

еда... —

пробормотал он и облизнулся.

Вскоре кулек со стих-инеем опустел.
То да Сё и все остальные нетерпеливо
ждали — выздоровеет ли господин Нильс-
ссон? Похоже, что он пошел на поправку.
Глаза у него заблестели. И что же они ус-
лышали?

Господин Нильссон начал рифмовать!

— *Стих-иней съел,*

Раз-два — и выздоровел, —

сказал он и добавил:

Говорить теперь могу и я,

с кем угодно — хоть ворона,

хоть свинья...

Стихоплет-кузнец резво соскочил с кро-
вати и воскликнул:

— *Жена, стол скорее накрой —*

Мы закатим пир горой

В честь этой парочки — кота и пса,

Которые вылечили быка.

Вот это настоящие друзья!

Господин Нильссон обнял по очереди То да Сё. Прочие животные пять раз прокричали «ура!». Корова Куливия хлопотала, готова пир.

Хотя после визита доктора Медведя еды осталось совсем немного, и все-таки пир закатали на славу. То да Сё без конца рассказывали о своих приключениях в Дремучем лесу. О том, как они путешествовали в летающей чашке для горячего шоколада, как выпрыгнули из нее с зонтиком вместо парашюта.

— Ах, какие вы молодцы, что раздобыли стих-иней, — радовалась Куливия. — Лучшего лекарства для моего супруга и не придумаешь.

То да Сё не отвечали. Ведь лекарство было заслугой обманувшего их лиса Шустрика. Но об этом вовсе незачем было рассказывать.

— Чепуха! — сказал Сё. — Мы немного смыслим в лекарском искусстве, хоть и не так, как доктор Медведь. А когда очутились в Дремучем лесу, то поняли, что стих-иней — наша единственная надежда.

Все восхищенно смотрели на То и Сё, сиявших от удовольствия. То угостили большой порцией его любимого блюда — сапожного крема с молоком, а Сё лакал гус-

тые сливки — вкуснее этого он ничего на свете не знал.

— *Извините, что мешаю,
Надеюсь, вы слышите, что я болтаю,* —
сказал господин Нильссон.

— *Так вот — всем миром*

«Ура» крикнем хором

Только лишь

В честь тех двоих,

Подвиг которых стоит

подвига четверых!

— То да Сё, ура, ура, ура, ура-а-а-а! —
закричали животные изо всех сил.

Уже на следующий день господин Нильссон снова работал в кузнице.

Все животные хвалили То да Сё за находчивость, ведь пес и кот раздобыли стихиней. Их приглашали в гости, желая побольше узнать о приключениях в Дрему-чем лесу.

Для То и Сё настали блаженные деньки. Вскоре они привыкли быть знаменитостями и даже чуточку возгордились. Однажды, когда они уже поели в своей лачуге, То, лежа на диване, облизывался, а Сё, сидя в кресле, ковырял в зубах.

— Жизнь просто чудесна! — вздохнул

кот. — Вот бы каждый день был таким прекрасным! Но наш подвиг скоро забудется, и мы опять заживем по-старому.

— Жаль, очень жаль, — согласился с ним Сё. — Но, мой друг, я кое-что придумал. Не стать ли нам докторами не понарошку, а взаправду?

То перестал облизываться.

— Мы не сможем, — возразил он. — Ведь со стих-инеем нам просто повезло. Своим успехом мы обязаны обманщику Шустрику, который подшутил над нами.

— Но здесь, в Городе Авось да Небось, этого никто не знает, — сказал Сё. — Все думают, что мы — доктора. Почему бы нам не продолжить в том же духе, чтобы не затруднять больше доктора Медведя?

— Нет, Сё, — упрямылся кот. — Мы ведь ничего не смыслим в медицине.

— Опять ты упрямишься, — заворчал Сё. — Ничего трудного в работе доктора нет. Разве ты не видел, как лечит Медведь? Он только заставляет больных дышать, кашлять, высовывать язык, да еще выслушивает сердце. А потом получает за это деньги. Мы можем делать все это ничуть не хуже. Разве ты не помнишь, сколько ему досталось еды, когда он посетил господина Нильссона? Много-премного крынок пре-

восходного, теплого, только что нацеженного молока.

То подумал о крынках с молоком.

— Может, ты прав, — сказал он. — Но все же это очень рискованно.

— А вот и нет, — ответил Сё. — Мы сейчас же укрепим на дверях вывеску, где напишем, что стали лекарями.

— Ты кое-что забыл, — напомнил кот. — Доктор должен всегда хорошо одеваться, носить белый халат и чисто мыть лапы.

— Вовсе не обязательно, — сказал Сё, посмотрев на свои грязные передние лапы. — Недавно ты утверждал, что настоящими докторами нам вообще не стать. А мы все-таки умеем лечить больных.

— Да нет, все должно быть не понарошку, — запротестовал То. — Если мы станем лекарями, придется тебе носить белый халат и чисто мыть лапы.

— Глупости, — отмахнулся Сё. — Но ради тебя я даже согласен стать чистюлей. Давай вешать объявление. А после отправимся собирать ягоды и растения, они будут нашими лекарствами, — сказал Сё.

На большом плакате они написали: «Доктора То да Сё. Прием ежедневно. Лечим всех больных за умеренную плату».

Укрепив вывеску, они отправились на лужок и стали собирать растения. Затем стали выжимать из них сок, добывая жидкое зелье, или сушить травы, а потом толочь их в мельчайший порошок. То разливал зелье в красивые бутылочки, порошки раскладывал в пакетики, а потом убирал их в шкафчик с красным крестом на дверце.

Когда их соседи увидели вывеску, в Городе Авось да Небось начался страшный переполох. Все спрашивали То да Сё, правда ли, что они лечат больных лучше, чем доктор Медведь.

— Попробуйте, увидите сами, — слышали они в ответ.

Но, поскольку была середина лета, никто не болел.

Подростки недавно сдали экзамены и целыми днями купались в пруду. Животные постарше принимали солнечные ванны или отдыхали в гамаках и чувствовали себя превосходно.

Прошла почти целая неделя, а ни один пациент так и не появился.

— Плохо дело, — сетовал То. — Твое предложение — глупее не придумать. Скоро я сам заболею от скуки. Но уж тогда, само собой, лечить меня будешь не ты.

— Я не виноват, что никто не болеет, —

вздохнул Сё. — Но, чувствует мое сердце, скоро у нас появится первый пациент.

Не успел Сё выговорить эти слова, как раздался звон дверного колокольчика.

Выглянув в окошко, пес воскликнул:

— Ура, к нам пожаловал больной!

— Да ведь это же Полтора Лося, — вздрогнул То. — Придется выйти и встретить его во дворе. Здесь, в хижине, ему не поместиться.

Надев белые халаты, они открыли дверь.

Итак, первым пациентом наших доморощенных докторов стал Полтора Лося. А может, вас удивит, что это за такая особа — Полтора Лося? Его история весьма поучительна.

Настоящее его имя — Лось, но когда он был совсем маленьким, он так много ел, что все рос да рос и в конце концов в полтора раза перерос всех остальных лосей. Поэтому его и прозвали Полтора Лося, и этой клички он стыдился.

Обитатели города вовсе не собирались смеяться над ним, но он все равно избегал их общества. И, живя в одиночестве, совсем не обращал внимания на свой вид. Он никогда не мылся.

Как известно, если кто-то не моется, то от него дурно пахнет. Вот почему животные

перестали водиться с Полтора Лося. Когда он пытался завести друзей, все в Городе Авось да Небось избегали его. Полтора Лося думал, что это из-за его высокого роста. Ведь никто не хотел говорить, что это из-за его запаха.

И вот он стоял перед хижинкой. На ново-явленных медиков он произвел тягостное впечатление.

— Не поможете ли вы мне? — грустно спросил он. — Я много-много раз спрашивал доктора Медведя, но он только головой качал. То же самое было и с господином Нильссоном, но вы исцелили его. Пожалуйста, верните и мне здоровье!

— Я осмотрю тебя, — сказал То. — Высунь язык... Подыши... Покашляй...

— Нет, не в этом дело, — возразил Лось.

— Тогда что с тобой? — удивился То. — Чего ты от нас хочешь?

— Я хочу стать ниже ростом, — вздохнул Полтора Лося.

— Хочешь стать ниже ростом? — хором спросили То да Сё.

— Да, — всхлипнул Лось. — А что в этом удивительного? Я в полтора раза выше всех других лосей. Поэтому никто не хочет водиться со мной.

— Ошибаешься, — сказал То. — Причи-

на тут другая. Да и сделать тебя ниже ростом мы не можем.

Тут Полтора Лося совсем расплакался. Крупные слезы полились из его больших грустных глаз. Вид у него был такой несчастный, что То и Сё тоже чуть не разревелись.

— Выходит, вы совсем не можете мне помочь? — снова спросил Полтора Лося. — У меня, правда, плохо с деньгами, но одну крону я всегда могу раздобыть.

— Дело не в деньгах... — начал было Сё... — Но не все еще потеряно, — продолжал Сё, подмигнув коту. — У меня есть идея. Я, конечно, не уверен, что она осуществима, но попытаться можно.

— Я сделаю все, что угодно, только бы стать ниже ростом, — заверил их еще раз Лось. — Скажите, что мне делать, и я, ни секунду не колеблясь, выполню все ваши предписания.

— Тебе необходимо купаться, — заявил Сё.

У Лося вытянулась морда.

— Купаться? — разочарованно переспросил он. — Но я терпеть не могу купаться! Да и как купание может стать настоящим лекарством?

— Очень просто, дорогой Полтора Лося, — сказал Сё. — Как известно, вся одежда садится и становится меньше, когда ее стираешь. Вот я и подумал, что то же самое может произойти и с животными. Если начнешь купаться часто-пречасто, твоя шкура непременно сократится, и ты, в конце концов, станешь таким же, как и все другие лоси.

Полтора Лось погрузился в раздумье, но, казалось, не испытывал ни малейшей радости от предложения кота и пса.

— Ты бы мог посоветовать что-нибудь другое вместо купания, — наконец вымолвил он. — Ты ведь знаешь, я терпеть не могу воду.

— Совсем недавно ты сам уверял нас, что сделаешь все, лишь бы стать ниже ростом, — напомнил Сё. — Тебе предложили средство, которое может помочь. Не хочешь попытаться, пеняй на себя.

— Я попытаюсь, — решил Лось. — Но как должна проходить эта процедура?

— Каждый день ты должен лежать в фонтане на площади не меньше двух часов, — объяснил Сё. — И, если я прав, понадобится примерно две недели, чтобы ты стал нормального роста.

— Две недели ежедневно, — вздохнул

Полтора Лося. — Не знаю, смогу ли это выдержать. Но обещаю сейчас же начать.

— Собираешься обмануть бедного Лося? — спросил То, когда Полтора Лося исчез.

Пес загадочно посмотрел на кота.

— Поживем — увидим, — сказал он. — Может, результат окажется сюрпризом даже для тебя.

Выйдя из хижины, Полтора Лося отправился домой за своим купальником в синекрасную полоску и будильником.

Осторожно прокравшись к фонтану, он медленно сунул в воду одно копыто.

Лось содрогнулся. Уф-ф, до чего мокрая и противная эта вода! Но затем, набравшись храбрости, он надел купальник, включил будильник, чтобы тот звонил ровно через два часа, и плюхнулся в воду.

Первой, кто увидел Лося, была редакторша Утка. Она не поверила глазам своим!

Полтора Лося — купался!

Сенсация! Она быстро помчалась за теленком Щелком.

Полтора Лося запротестовал, обнаружив, что Щелк намеревается фотографировать его. Утка стояла рядом и распоряжалась.

— Не смейте этого делать! — заревел

Лось. — Никому не позволено фотографировать меня в фонтане. Моя репутация будет уничтожена.

Но утка и теленок не обращали на него внимания.

— Новость так новость, — коротко резюмировала редакторша. — Полтора Лося купается! Грандиозный материал для статьи в моей газете.

— Добрая редакторша Утка, — взмолился Полтора Лось, — помешай Щелку. Подумай о моей несчастной матери. Я заплачу целую крону, если вы не станете меня фотографировать!

Но теленок не слушал. Он повозился с камерой и приготовился сделать снимок.

— Я по-настоящему рассержусь на тебя, — пригрозил Полтора Лось, хотя вообще-то был очень доброго нрава. — Я... я и сам не знаю, что сделаю, но рассержусь я по-настоящему.

Угрозы тоже не подействовали. Теленок щелкнул затвором фотоаппарата, а Полтора Лось так ничего и не смог поделать. Он лежал в воде, и ему нельзя было подняться раньше, чем через два часа.

К счастью, другие не появлялись, и когда зазвонил будильник, Лось вылез из воды и пошел домой.

— Завтра я буду купаться так, чтобы никто меня не увидел, — пробормотал Полтора Лося. — Правда, Утка уже расстрезвонила свою новость на весь город. Но она всегда столько крикает, что вряд ли на это обращают внимание.

Назавтра ранним утром Лось пошел к фонтану, где снова завел будильник. Все было тихо и спокойно. Вода стала чуточку приятнее, и, как ни странно, Полтора Лося подумал, что купаться не так уж плохо.

Но вскоре мирному купанию пришел конец. На первой странице газеты, редактируемой Уткой, животные увидели большую фотографию купающегося Лося.

— Что-то странное происходит, даже наш грязнуля купается, — повторял каждый. — Это дело надо расследовать...

Поэтому утром все отправились к фонтану, чтоб увидеть, правду ли пишет Утка. Как оказалось, она не ошиблась. В фонтане сидел смущенный Полтора Лося. Град вопросов посыпался на него.

— Зачем ты купаешься? — слышалось со всех сторон.

— Ты Лось-грязнуля, ты что, заболел? — смеялся Буссе-Зяблик, пролетая над самой головой Лося. Но Полтора Лося не издал ни единого звука.

Господин Нильссон, который вообще-то был добрым другом Лося, тоже попытался задать ему вопрос:

— Полтора Лося, дай ответ,

Ведь никогда ты прежде

не купался, ведь нет?

Так почему ж решил

ты так перемениться,

Уж не надумал ль ты, брат, жениться?

— И вовсе я не намерен жениться. Больше я ничего не скажу. Причину узнаете позднее. А сейчас идите своей дорогой, добрые друзья!

После этих слов Лось перестал отвечать на вопросы горожан. Через некоторое время всем это надоело, и Лось снова остался один.

Мало-помалу в Городе Авось да Небось привыкли к тому, что Лось ежедневно два часа купается в фонтане. Но причину, заставившую его совершать эти процедуры, никто так и не смог отгадать. Некоторые подозревали, что без То да Сё тут не обошлось, но кот и пес уверяли, что не имеют никакого отношения к перемене в поведении Лося.

После каждого купания Полтора Лося доставал сантиметр и проверял, не стал ли он ниже ростом. Но сколько он ни измерял, результат был тот же самый.

Прошло две недели, а Лось по-прежнему оставался таким же высоким. И вот тут-то он и заподозрил, что над ним подшутили. Разумеется, ему было приятно принимать ванны, нежиться в прозрачной прохладной воде. Но мысль о том, что над ним подшутили, крепко засела в голосе Лося.

«То да Сё обманули меня!» — думал он.

В один прекрасный день он разозлился так, что шерсть встала дыбом на его спине. Выскочив из воды, он сделал несколько могучих прыжков — и уже был возле хижины! То да Сё и никогда раньше не видели его таким разъяренным и перепугались насмерть.

— Здорово же вы посмеялись надо мной, — взревел Полтора Лося. — И, ясное дело, считаете себя великими умниками, раз обманули меня. Я, конечно, знаю, что вам без проказ не обойтись, но я даже не предполагал, что вы так жестоки и станете издеваться над моим ростом. Наверное, это вы подговорили редакторшу Утку и теленка Щелка пойти к фонтану и сфотографировать меня, чтобы повеселить горожан. Я лежал в воде, надеясь, что стану ниже ростом, а вы смеялись надо мной. Вы — самые злущие, самые злущие на свете...

Полтора Лося задышался от гнева. Слова застряли у него в горле, и он заплакал.

То посмотрел на Сё:

— Кажется, настало время объяснить, в чем дело. Ведь это была твоя блестящая идея. Но если ты обманул беднягу Полтора Лося, я тебе больше не друг.

— Дорогой Лось, — начал Сё. — Заметь, что я больше не называю тебя Полтора Лося. Уверяю тебя, я вовсе не хотел подшутить над тобой. Я только хотел помочь тебе, и, кажется, это мне удалось...

— Я не стал ниже ростом, — перебил его Лось. — Каждый день я измерял себя и поэтому знаю, что я по-прежнему точь-в-точь такой же длинный, каким был до купания. Но, может, виноват в этом мой сантиметр, — с надеждой добавил он.

— Не думаю, — ответил Сё. — Но ты стал другим. Теперь ты стал чистым, как олень, выкупавшийся в прозрачном горном озере.

Полтора Лось недоверчиво взглянул на пса.

— Я стал чистым, как олень? — изумленно спросил он. — Точь-в-точь как мой кузен-олень из Лапландии? Да, он, ясное дело, пониже меня ростом, но как же это случилось? Нет, я по-прежнему выше рос-

том, чем олень. Может, мне переселиться на север?

— Можешь с таким же успехом остаться здесь, в Городе Авось да Небось, — успокоил его Сё. — Ты все еще Лось, но все-таки ты — чистый, как олень.

— Как это сложно, — пробурчал Полтора Лося. — Я по-прежнему Лось, хотя я стал чистым, как олень... Но ведь я не стал ниже ростом, точно! А ты просто пытаешься сбить меня с толку своей болтовней, — снова вспыхнул он.

— Послушай меня внимательно, — сказал Сё. — А если я скажу, что ты стал чистым Лосем, ты поймешь меня?

— Чистым Лосем? — переспросил Лось. — Само собой, я стал чистым, если я купался по два часа ежедневно в течение многих недель. Но я не стал из-за этого ниже ростом, я по-прежнему длинный Лось, и у меня нет друзей.

— Друзья у тебя теперь наверняка появятся, — уверил его Сё. — Расскажу тебе еще кое-что. Раньше ты думал, что никто не желает водиться с тобой из-за твоего высокого роста. Ты ошибался. А друзей у тебя не было оттого, что ты не купался и от тебя плохо пахло. Когда же ты отмылся до чиста, все животные тебя полюбили.

— Надеюсь, ты прав, — задумчиво произнес Полтора Лося. — Во всяком случае, я уже убедился в твоей правоте. Купаться — просто наслаждение. Пожалуй, я сегодня окунусь, совершенно добровольно, но не в фонтане, а в озере, вместе со всеми.

Лось умчался во весь опор.

— И ты все еще считаешь, что мы не можем быть докторами? — спросил Сё. — Полтора Лося — второй пациент, которого мы вылечили.

То чуточку позавидовал, что именно Сё пришла в голову такая блестящая мысль, и он стал возражать:

— Мы ведь не знаем, в самом ли деле все животные полюбили Полтора Лося. Пойдем, спустимся к озеру и посмотрим. Ставлю большую свиную кость за крынку свеженадоенного молока, что Лось купается один.

— По рукам! — ответил Сё. — Скорее бы обглодать кость после всех наших занятий медициной.

То проиграл.

Когда они пришли на берег озера, все уже собрались вокруг Лося.

Незадолго до этого он рассказал любо-

пытным животным, почему купался по два часа в день.

— Ну, так могу я водиться с вами? — осторожно спросил он.

— Ясное дело, старина, — сказал конь Мешок. — Мы с тобой поплывем далеко-далеко, на самую середину озера.

— Но сперва мы нырнем в воду с твоих рогов, — заверещали бельчата. — Высота как раз подходящая.

— Как хотите, — засмеялся Полтора Лося. — Сегодня я готов на все. Смотрите-ка, а вот и доктора То да Сё. Спасибо за помощь. Я совсем забыл спросить, сколько я должен за лечение.

— Ерунда, — ответил Сё. — Мне самому вообще ничего не надо. Мой добрый друг То обещал мне большую чудесную свиную кость. Этого более чем достаточно. Но, быть может, чего-то хочет кот. Он остался без свеженадоенного молока.

— Вы получите от меня и свиную кость, и свеженадоенное молоко, — пообещал Полтора Лося. — Но сперва пусть ныряют бельчата, а потом дружище Мешок и я поплывем на середину озера. Может, поплывете вместе с нами?

— Фу, я не купаюсь, — содрогнулся Сё. — Терпеть этого не могу.

Была так называемая женская неделя¹, и несколько дней подряд лил дождь.

Животные из Города Авось да Небось не знали, что им и делать. Они сидели дома в своих маленьких хижинах, им было скучно и грустно, и они злились на непогоду.

— Погода никогда не переменится, — хныкал То. — Все дождь да дождь. И нечем поразвлечься. Если б хоть предстоял какой-нибудь праздник, так ведь нет: одни только будни да обычные воскресенья.

— А ты кое-что забыл, — напомнил другу Сё. — А твой день рождения? Завтра ты будешь стоять вместо статуи на площади.

— Ой-ой-ой, — застонал То, хватаясь за лоб. — Я совсем забыл про него! Меня не удивит, если в этот день будет так же лить дождь и никто и носу из дома не высунет, чтобы поздравить меня.

— Будем надеяться на лучшее, — утешил его Сё.

Но пес надеялся напрасно. Следующий день был такой же дождливый, и, когда То

¹Почти самая последняя неделя июля (с 19 по 25), когда все дни, кроме первого, носят женские имена.

рано утром отодвинул шторы, что же он увидел? Да, проливной дождь.

— Я не выйду из дома, — сказал он. — Стоять вместо статуи на площади под проливным дождем! Это не по мне!

— Но так нельзя, — возмутился Сё. — Все сочтут тебя невеждой. Да и никаких подарков ты не получишь.

— Плевать мне, что меня сочтут невеждой и я не получу подарков, — сказал То. — Я не хочу вымокнуть до нитки.

— Всего лишь несколько часов под дождем! — настаивал Сё. — Ты получишь от меня в подарок большую миску сливок, так что, может, твое настроение поднимется.

Кот принялся лакать сливки и стал чуть-чуть поговорчивей.

Надев дождевик, он пошел на площадь. Но никто, кроме кота, выйти из дома не посмел. То стоял в полном одиночестве, мокнул и злился.

Сначала ему даже казалось, что он не получит никакого, ну самого что ни на есть маленького, подарка. Но когда он битый час простоял на площади и вымок до нитки, появился первый поздравитель, добрый Стихоплет-кузнец, господин Нильссон.

— *В прошлом году
Ты получил еду,
А нынче — револьвер на свою беду, —*
сказал он, вручая коту черный блестящий
игрушечный револьвер.

То попытался изобразить веселую мину и
поблагодарил быка.

— Вот повезло, что пистолет — водя-
ной, — сказал он. — Он замечательно под-
ходит к этой погоде. Ты очень внимателен
ко мне.

Стихоплет-кузнец обрадовался, что коту
понравился его подарок, но вдруг заторо-
пился.

— *Надеюсь, я тебе не помешал.*

Однако я так жутко устал!

Побегу-ка, пока я от сырости не упал, —
фыркнул бык и, подпрыгивая, помчался в
кузницу. То снова остался один.

Кот уже решил пойти домой, когда поя-
вился второй поздравитель. Это был Полто-
ра Лося — радостный и веселый.

— Как хорошо, что вокруг столько во-
ды, — проревел он. — Свежо и прекрасно.
У тебя получился по-настоящему веселый
день рождения. Имею честь поздравить те-
бя и поблагодарить за то, что ты и Сё оту-
чили меня бояться воды.

То осторожно вскрыл пакет, который

протянул Лось. Он вздохнул. Неужели животные издеваются над ним?

Что же купил ему Лось? Коробку с водяными красками!

То делал вид, что доволен, и поблагодарил Лося.

— Ну, а теперь мне пора к озеру — купаться, — сказал Полтора Лося и исчез.

То решил остаться, по крайней мере, еще на часок, чтобы посмотреть, будут ли новые визиты. Но никто не показывался. В такую погоду животные предпочитали оставаться дома.

Кот недовольно смотрел на водяной пистолет и коробку с водяными красками. Стало быть, это все, что досталось ему в праздничный день! Теперь подарков не будет до самого Рождества.

— А до Рождества еще так далеко,

В тот день развлекаешься так легко, — напевал То, рассматривая календарь на ратуше. «21 июля» было написано большими черными буквами. Ах, как долго еще ждать до Рождества!

То задумался. Он посмотрел на свою коробку с красками. И тут ему в голову пришла замечательная мысль! Кот просиял. Может, не так уж много времени осталось до тех пор, пока он снова получит подарки?

Новые поздравители так и не появлялись, но настроение у кота поднялось. И, весело насвистывая, он пошел домой.

В хижине его ждал Сё с чашкой теплого молока. Все снова стало прекрасно. После того как кот основательно умылся и удобно разлегся у очага, он рассказал приятелю про свой новый план.

Пес заинтересовался. План был в его вкусе.

— Ясное дело, я пойду с тобой, — твякнул он. — Вот будет потеха так потеха!

Вечером оба приятеля выбрались из дома, захватив с собой коробку с красками. Было поздно, улицы пустовали, и никто не мешал им работать.

Довольные, вернулись они домой и легли спать. Пока что все было тихо и спокойно, но что будет завтра?

Наутро на площади творилось что-то невообразимое, не хватало только тишины и спокойствия. Как раз распогодилось, и несколько обрадованных обитателей города воспользовались случаем для ранней прогулки. Свен-Свиненок первым обнаружил, что натворили То да Сё.

Придя на площадь, поросенок случайно взглянул на календарь, после чего совершенно окаменел.

— Не верю глазам своим, — хрюкнул он. — Может быть, мне пора купить очки?

В эту минуту подошел теленок Щелк.

— Хрю, хрю! Видал? — сказал Свен, показав на календарь. — Скажи, что это значит?

Щелк взглянул и покачал головой.

— Непонятно, — сказал он. — Совершенно непонятно. Необходимо расследование.

Он пошел звать своих друзей, а Свен-Свиненок — своих. Вскоре почти все животные собрались на площади и уставились на календарь. Старшие долго размышляли, младшие прыгали и танцевали вокруг.

— Тут, должно быть, вкралась какая-то ошибка, — сказал магистр Филин, поправляя надетые на клюв очки. — Я крайне удивлен.

— Мне давно уже следовало залечь в берлогу, — пробормотал доктор Медведь, который случайно забрел в Город Авось да Небось. — Но я ведь не успел наесться досыта?

— *А до сих пор везде тепло и чудесно,*

И всюду листья, зелень да песни, — заметил господин Нильссон.

— Но вы ведь сами видите, — сказали детеныши. — Календарь — правильный, он никогда не лжет.

И, взявшись за руки, запели:

— *Сейчас опять Рождество,
сейчас опять Рождество!*

Дело в том, что на календаре значилось: «Декабрь, 22». Следовательно, до Рождества оставалось всего два дня.

Животные начали обсуждать это событие.

— Как мы поступим? — с невинным видом спросил Сё. — Время идет быстро, а на календарь можно положиться. Лучше всего сразу же начать готовиться к Рождеству, как и в другие годы.

В Городе Авось да Небось Рождество все праздновали вместе. На площади ставили восхитительную елку, все собирались в сочельник, обедали, а под конец раздавали рождественские подарки. Словом, Рождество справляли точь-в-точь как у людей.

— Сначала надо купить подарки, — сказал То.

— Затем надо приготовить рождественское угощение, — заявил доктор Медведь и облизнулся.

— Тогда нет времени тут болтаться, — промычала корова Куливия. — Сейчас же идем домой и принимаемся за рождественскую уборку.

В тот день в Городе Авось да Небось только и делали, что мели, мыли и чистили.

Все работали, и, хотя впервые за долгое время показалось солнце, ни у кого не было времени купаться.

Когда вся черная работа была сделана, животные начали готовить рождественские подарки.

Пока они изо всех сил старались, явился почтальон Юн-Пес с большим пакетом для господина Нильссона. Пакет был аж из-за границы.

Теперь уж никто больше не думал, будто календарь ошибается. Если быку посылают рождественский подарок из дальней заморской страны, все, должно быть, в порядке.

— Завтра мы нарядим рождественскую елку, — предложил Билл-Козел, когда работа, назначенная на этот день, была закончена. — А потом у нас будет рождественский праздник — всем праздникам праздник.

Ночью животные почти не спали. Подумать только, уже наступило Рождество! Правда, странно, что ни мама, ни папа ничего про это раньше не говорили. Но тем неожиданнее был сюрприз. Конечно, еще

не выпал снег, и снова начал капать дождь, но какое это имеет значение?

Настало Рождество...

Дождь лил всю ночь, но к утру кончился. Когда животные явились, чтобы наряжать елку, только-только засияло солнце.

Когда наряжали елку, верховодил Кукарека-Петрус. Он командовал, куда прикреплять флаги, и распоряжался, куда вешать звезды. Те, кто не украшал елку, расставляли скамьи и столы для большого рождественского пира.

Внезапно случилось нечто необычное. Не успел Буссе-Зяблик прикрепить большую звезду на верхушке ели, как вдруг увидел в небе какой-то таинственный предмет.

— Смотрите, — зашебетал он, — какие странные птицы!

Все вытянули шеи. Что это может быть, что это летает вокруг? Ну виданное ли дело, эти странные фигуры начали опускаться и двигаться по направлению к Городу Авось да Небось.

Самые маленькие детеныши перепугались и, плача, побежали к своим мамам, однако старшие с любопытством ожидали, что будет дальше.

А разрешили загадку не кто иные, как То да Сё.

— Это же наш друг-изобретатель, медвежонок Теддисон! — закричал Сё. — Тот, что изобрел летающую чашку для горячего шоколада!

— Сюда летит еще много чашек, — сказал То. — Теддисону повезло. Теперь он и вправду всемирно известен во всем Большом Дремучем лесу.

И в самом деле, разве это не три большие чашки для горячего шоколада и несколько блюдеч медленно снижались на площадь неподалеку от рождественской елки?!

Животные ринулись вперед, желая лучше разглядеть диковинные летающие аппараты.

— Привет, Теддисон! — воскликнул Сё. — Добро пожаловать! Ура, к нам прилетели все обитатели Большого Дремучего леса. Здравствуйте, Исидор, граф Барсук, лис Шустрик и все, все, все!

Животные Большого Дремучего леса вылезли из диковинных летающих кораблей и поздоровались с животными Города Авось да Небось.

— Неужто мы и вправду прилетели сюда?! — фыркнул Исидор. — Но на этот раз Теддисону повезло. Видел бы ты его после

того, как он отвез вас домой! Ему пришлось три дня кружиться в воздухе, пока не кончился запас черничного киселя и он не смог спуститься на землю. Но потом медвежонок усовершенствовал свое изобретение, теперь оно великолепно. Поэтому мы решили устроить себе небольшие каникулы, а Шустрик предложил навестить вас. Заодно я встречу с моим кузеном, доктором Медведем. А вот и он!

Медведи пожали друг другу лапы и отошли в сторону, чтобы поболтать и предаться старым воспоминаниям.

— От всего сердца — добро пожаловать, — сказали То да Сё. — Вы прибыли как раз вовремя, чтобы участвовать в большом празднике.

— У кого-нибудь круглая дата? — поинтересовался граф Барсук. Вообще-то он не был графом, но, благодаря выдумке лиса Шустрика, его теперь всегда так величали. — У вас столы от яств ломаются.

— А зачем вам посреди лета рождественская елка? — засмеялся Шустрик. — Может, у вас здесь собственное времяисчисление?

— Мы празднуем Рождество, оно случайно настало именно сегодня, — заносчиво ответил Кукарека-Петрус. — Иначе нам,

ясное дело, такая глупость и в голову бы не пришла. Если мне не верите, взгляните на календарь!

— Глупые, вы даже читать не умеете, — взвыл от смеха Шустрик. — Вы читать не умеете, потому празднуете Рождество в июле!

Животные Города Авось да Небось разозлились.

— Интересно, кто это не умеет читать? — захрюкал Свен-Свиненок. — Всякому видно, что сегодня 23 декабря, канун Рождества.

На всякий случай он взглянул на календарь.

— 23... 23..., — повторил он. — Ой, я упаду в обморок!

— Но вчера ведь было почти что Рождество, — сказал Кукарека-Петрус. Голос его звучал глухо, словно из лопнувшего воздушного шара выходил воздух.

Лис уже валялся на земле, корчась от смеха.

— Праздновать Рождество в июле! — повторял он. — Праздновать Рождество в июле! Веселее этого я ничего в жизни не слышал!

Городские животные не на шутку рассердились. Как это гости смеют издеваться над ними!

— Это дело надо расследовать, — безоговорочным тоном заявил конь Мешок. — Кому-то захотелось подшутить над нами! Чья очередь была отрывать утром листок календаря?

— Моя, — проблеял Ульрик.

— И там стояло «23 июля»? — допрашивал его Мешок.

— Не знаю, — престыженно отвечал баран. — Понимаешь, я оторвал листок вчера вечером, чтобы подольше поспать завтра утром! Но вчера было написано «jul» — «Рождество». В этом я абсолютно уверен.

— Пусть магистр Филин слетает наверх и посмотрит, что случилось, — велел конь.

Филин взмыл ввысь и быстро вернулся назад.

— Кто-то сыграл с нами дурную, очень дурную шутку, — строго сказал он. — Кто-то закрасил последнюю букву в слове «juli» — «июль», так что там осталось только «jul» — «Рождество». Но так как после этого ночью шел дождь, краска смылась, и там снова написано «juli» — «июль».

— Надо немедленно найти виновника, — сказал Мешок. — Или, может быть, винов-

ников? — добавил он, злобно покосившись на То да Сё.

— Мы ничего дурного не делали, — с невинным видом сказали они. — Почему всегда во всем виноваты мы?

— То получил от меня в подарок ко дню рождения коробку с водяными красками, — объяснил Полтора Лося.

Все строго посмотрели на них. То да Сё хотели бы сквозь землю провалиться.

— *Мой пес и мой кот,
дайте скорей ответ.*

Это ваша проказа? Да или нет? — спросил господин Нильссон, и даже его голос звучал сердито.

— Да, — захныкал наконец То. — Но мы ничего дурного не сделали.

— Поглядите на наших детенышей, они так радовались! — промычала Куливия. — Вы испортили им праздник.

— Вас надо строго наказать, — прокукарекал Кукарека-Петрус. — Подозреваю, что они-то и украли мою гребенку.

— Неужели нас посадят в тюрьму? — жалобно промяукал То. — Туда мы не хотим!

Однако никто его не слушал. Животные были разгневаны. Так обмануть их, заставить праздновать Рождество посреди лета!

— Но почему их надо наказывать? — спросил Шустрик, который наконец-то перестал смеяться. — Разве это не забавно — праздновать Рождество сейчас? И разве мы не прилетели к вам в гости?

Животные посмотрели друг на друга. Может, это не так уж и плохо?

— Сделаем, как предложил лис, — решила редакторша Утка. — Завтра, 24-го у нас будет настоящий рождественский праздник с танцами вокруг елки, с рождественским угощением и рождественскими подарками. Все должны принять в этом участие. Зовите гостей отовсюду. Встретимся здесь через три часа, чтобы сосчитать, сколько нас будет. Доброго вам Рождества!

— Но меня удивляет одно, — сказал Полтора Лося, — с какой стати господин Нильссон получил рождественский подарок?

— Это вовсе не рождественский подарок, — ответила Куливия. — У моего супруга завтра день рождения, и это — подарок от его кузена мистера Мак-Клейна из Шотландии.

Праздник обещал быть грандиозным. Когда животные вернулись на площадь, там уже было множество гостей.

— *Меня удивит,*

Если нас меньше ста сюда набежит, —
сказал Стихоплет-кузнец.

Редакторша Утка напечатала на своей пишущей машинке имена всех, кто откликнулся на приглашение.

— Все животные из Города Авось да Небось и окрестностей придут к нам! — воскликнула она. — Не хватает только Филиппа Ворчуна.

— Наверное, никто у него не был, — сказал Кукарека-Петрус.

— Пригласить надо всех, включая Филиппа Ворчуна, — сказал конь Мешок. — Кому-то надо пойти за ним.

— Я боюсь, я боюсь, — слышалось со всех сторон.

Ничего удивительного, что никто не смел пойти к Филиппу Ворчуну. Филипп Ворчун был бульдог, живший в полном одиночестве в собачьей будке за Городом Авось да Небось. Он всегда был зол, ни с кем не разговаривал, только лаял. Не помогало даже, если кто-то пытался проявить вежливость и наносил визит псу. Он только ворчал и пугал визитера.

— Зачем он нам на нашем июльском празднике! — возражал То. — Без него будет куда приятней. Вообще-то мы слы-

шали, что никто не осмеливается войти к нему.

— Все должны присутствовать на празднике, — упрямылся Мешок. — Мне кажется, что в самой глубине души Филипп ужасно несчастлив в своем одиночестве и очень хотел бы, чтоб ему составили компанию.

— Кто пойдет? — поинтересовался Рольик Рельс.

— Думаю, То да Сё, — сказал магистр Филин. — Уж больно они на выдумки хитры, сами затеяли все эти проказы. Пусть и навестят Филиппа Ворчуна.

— Мы командидуем эту парочку пригласить бульдога, — сказал конь Мешок. — Идите домой, дорогие друзья, и придумайте, как получше заманить к нам бульдога. Если же вам это не удастся, вы понесете наказание за проделку с календарем.

— Как быть? — вздохнул Сё, когда они сидели у себя дома в хижине. — Что-то надо предпринять, но пригласить Филиппа Ворчуна на праздник будет так же трудно, как достать луну с неба.

Они долго думали, и вдруг То осенила идея.

— Пойдем в лавку фру Овцы, — сказал он. — Мне кажется, там найдется решение.

Они пошли в лавку и купили какой-то пакет. Чуть-чуть страшась, друзья продолжили путь в собачью будку Ворчуна.

— Надеюсь, он останется доволен, — с некоторым сомнением сказал Сё. — Иначе нам придется худо.

У калитки они остановились, дрожа от страха.

— Кто пойдет к нему? — поинтересовался То. — Может, лучше — ты, поскольку ты тоже — пес. Котов он, вероятно, вовсе терпеть не может.

— Пойдем вдвоем, — решил Сё. Они нерешительно открыли калитку и осторожно подошли к собачьей будке.

— Грр, чего вам надо?! — слышался внезапно злобный голос. В отверстии будки стоял Филипп Ворчун. — Грр, сгиньте, пока я вас не искусал, в особенности — кота.

То побледнел, и усы его обвисли.

— Мы хотим лишь преподнести вам, господин Ворчун, подарок, — заикаясь, произнес он. — Подарок, чтобы...

Больше кот не произнес ни слова, потому что Филипп Ворчун, сверкая глазами, пошел ему навстречу.

— Я не желаю принимать подарки от кота, — пролаял он.

— Но это подарок и от меня, — сказал Сё. — По-настоящему прекрасный подарок, если мне позволено говорить об этом самому. Он стоил нам немало крупных монет.

Филипп Ворчун остановился. Разумеется, ему хотелось получить подарок. Сгорая от любопытства, он взял пакет и стал его разворачивать.

То да Сё, стоя на некотором расстоянии от него, сочли, что их замысел удался. Быть может, бульдог явится на праздник.

— Гррррр... — Филипп Ворчун впал почти что в бешенство, увидев содержимое пакета. — Никак вы пытаетесь со мной шутки шутить, несчастный пес и кот?! Сгиньте, пока я не разозлился всерьез!

— Но разве вам, господин Ворчун, не нравится... — начал было Сё.

— Хуже собачьего кекса я ничего на свете не знаю, — зарычал Филипп, — сгиньте, кому говорю!

Он прыгнул к То да Сё, но они оказались проворнее. Не успел Филипп и глазом моргнуть, как они очутились за калиткой и во всю прыть кинулись бежать.

— Нам не повезло, — застонал Сё, когда они, устав, как собаки, вбежали в хижину и заперли на всякий случай дверь. — Теперь нам остается лишь принять наказание за выдумку с календарем. Вообще-то, целиком твою выдумку, — добавил он, пристально глядя на То. — Ведь это ты придумал эту глупость, ты!

— Но ведь букву заляпал ты, — ответил То. — Ты так же виноват, как и я. Но у нас сейчас нет времени скандалить из-за этого.

И тут они услышали чей-то голос под окном.

— У вас случилась какая-то беда? Расскажите мне обо всем, и я помогу вам. Как и прежде.

То был лис Шустрик.

— На этот раз даже тебе не помочь нам, — вздохнул То. — Слишком уж нам не везет.

И он рассказал злосчастную историю с собачьим кексом, преподнесенным Филиппу Ворчуну.

Лис расхохотался во все горло.

— Идея неплоха, — признал он. — Жаль только, что бульдог не любит такую еду. Но почему бы не накормить его чем-нибудь другим? Я знаю одно блюдо, которое он не может не любить.

— Филипп Ворчун ничего не любит, — сказал Сё.

— Да нет же, — ответил Шустрик. — Если у вас есть почтовая голубка, я все улажу.

То и Сё позвали Свею-Голубку. Шустрик о чем-то пошептался с ней, и она отправилась в путь.

— Свеа скоро вернется, — сообщил лис. — И принесет то, чему ваш злобный пес обрадуется. Не беспокойтесь, Шустрик и не такие неприятности улаживал. А сейчас я ненадолго отойду.

— Только бы ему повезло, — нервничал Сё, пока они сидели в ожидании.

Вдруг кто-то постучал. Может, это лис?

Но это был не Шустрик, а Мешок.

— Ну, вы пригласили Филиппа Ворчуна? — спросил конь.

То да Сё покачали головами.

— Вы знаете, что вас ожидает, — угрожающе сказал Мешок. — У вас есть еще в запасе несколько часов, но потом...

— Только бы Свеа-Голубка вернулась поскорее, — захныкал Сё, когда Мешок ушел. — Все это действует мне на нервы.

Наконец-то!

В дверь снова постучали, и вошел Шустрик. С каким-то пакетом в лапах.

— Вот вам самый лучший из всех рождественских подарков, — удовлетворенно взывл он. — Дайте его Филиппу Ворчуну, и все ваши беды будут позади!

— Но как мы посмеем подойти к нему? — любопытствовал То. — Он взбесится, увидев нас.

— Если он взбесится, охотно пойду я, — вызвался Шустрик. — Я встречал настоящих волков в Большом Дремучем лесу, так что не стану бояться обыкновенного старого бульдога!

— Волки, ясное дело, добрые звери, — сказал То. — Но мы предупреждаем тебя: Филипп ужасно злой.

— Я справлюсь с ним, — засмеялся лис. — Завтра Филипп явится на праздник.

Разумеется, Филипп грозно зарычал, когда лис явился со своим подарком. Но Шустрик только расхохотался, оставил пакет и исчез. Бульдог разозлился не на шутку, но вместе с тем его разбирало любопытство, и он вскрыл пакет.

То и Сё тихонько подкрались поближе к собачьей будке и первыми услыхали, как Филипп Ворчун смеется. Они едва поверили своим ушам. Неужели этот угрюмый пес может смеяться?!

Но вот снова слышался смех.

— Хе-хе-хе, — смеялся бульдог, а вслед за этим послышалось более звонкое: «хи-хи-хи-хи-хи-хи».

— Что такое? — спросил То. — Кто это хихикает?

Сё только покачал головой.

— Случилось чудо, — сказал он. — Надо сейчас же найти Шустрика.

Встретив лиса, они рассказали ему о своем открытии.

— Точь-в-точь как я говорил, — улыбнулся Шустрик. — Филипп Ворчун обрадовался и явится на праздник.

— Но что же ты принес ему? — спросил То. — Или это содержимое пакета умеет так весело смеяться?

— Вот именно, — ответил лис. — Ты почти угадал. А вот и то, что подарили Филиппу Ворчуну.

Какая-то птичка прилетела и уселась между ними.

— Разрешите представить вам рождественский подарок Филиппу Ворчуну, — серьезно сказал Шустрик. — Чайка-хохотунья с острова Флен.

— Хи-хи-хи-хи, — смеялась Хохотунья. — Какой милый старый дядюшка этот пес. Чем больше я его щекочу, тем веселее и веселее он становится.

— Ты сказала ему, чтоб он пришел на праздник? — спросил Шустрик.

— Не сомневайся, — ответила Хохотунья. — Хи-хи-хи, но он хотел, чтоб я стала его настольной птицей. Потом он сказал, чтоб я стала домоправительницей в его собачьей будке. Хи-хи-хи-хи-хи-хи. Я обещала, если он как следует приберет в своей будке... Хи-хи-хи!

— А он согласился? — удивленно спросили То да Сё.

— Ясное дело, — ответила смеющаяся чайка. — Филипп хотел лишь, чтоб я, малютка Хохотунья, стала его компаньонкой и всегда поднимала ему настроение. Бедняга, он чувствует себя таким одиноким, — сказала она. — Нет, мне надо снова слетать туда и пощекотать его. Привет, хи-хи-хи-хи-хи!

— Она никогда не унывает, — рассмеялся Шустрик. — Как видите, я не ошибся в ней. Скажите мне спасибо за то, что вас не наказали.

— Ты просто молодец, — признался То. — У тебя многому можно научиться.

— Еще бы! — ответил лис. — Но ваша проделка с календарем... даже я не мог бы лучше придумать.

Тот июльский вечер запомнился всем обитателям города.

Явились толпы гостей. На площади был накрыт составленный из многих столов один-единственный длинный-предлинный стол, ломившийся от яств.

На рождественском столе у людей поросяток встречается во многих видах. Там бывает и ветчина, и колбаса, и даже поросячья голова с яблоком во рту.

В Городе Авось да Небось, где все были добры, нельзя было съесть кого-нибудь из его жителей. Поэтому на долю поросят выпало немало почестей. На каждом столе лежало по одному живехонькому поросятку, и все они чувствовали себя очень уютно. А их папаша Свен-Свиненок в пас-ти держал самое большое яблоко, и растянулся он на самом красивом столе. Его жена и все поросята лежали на других столах и были окружены всеобщим вниманием. Им доставались самые лакомые кусочки!

Вяленой трески не было в Городе Авось да Небось, зато все ели ягоды и фрукты. Подавать к столу рисовую кашу тоже было в обычае Города Авось да Небось. Ее вносили на больших-пребольших блюдах лошади и быки. Дойные коровы Роса, Раса, Реса, Риса и Руса подавали самое свежее молоко.

И все ели, опустошая одно блюдо со сладкой кашей за другим. В конце концов не осталось ни единой рисинки. Животные пыхтели и ощупывали свои животы. Ух, до чего ж они отяжелели.

Теперь хорошо было бы немножечко поспать.

Но разве праздник состоит из одних только удовольствий? Сначала пришлось вымыть посуду, хотя с этим быстро управились.

Животные просто-напросто вылизали блюда и свои тарелки. Особенно тщательно были очищены блюда с кашей. За это отвечали котята с их маленькими розовыми язычками.

— А теперь — танцы! — скомандовал Кукарека-Петрус, когда с мытьем посуды было покончено.

— Но не можем же мы петь обычные рождественские песни посреди лета! — заметил баран Альрик. — Придется написать новый текст.

— Ну и напишем! — ответил петух. — А теперь давайте водить хоровод вокруг нашей чудесной рождественской елки. Все подпевают!

*— И ныне снова июль, Рождество,
И ныне снова июль, Рождество,*

Июль продлится до сентября... —
распевали во все горло детеныши.

Разумеется, старшие животные на это согласиться не могли и отвечали хором:

— Но это неправда,

Но это неправда,

Потому что между июлем и сентябрем

Будет август, мы не врем...

— Какая еще Августа? — прокудахтала старая курица Фасолинка. — Может, это моя старая тетушка Августа, которая явится сюда из Эстерсунда?

— Раз уж среди нас, в виде исключения, затесался настоящий лис, давайте споем песню «Лис торопится перепрыгнуть через льдину...» — предложил Билл-Козел.

— Глупые, нет тут никакой льдины, — засмеялся лис. — Но я знаю... Тут есть Свен-Свиненок. Иди-ка сюда, Свен-Свиненок, давай поиграем. Ложись сюда!

После чего лис запел:

*— Лис Шустрик перепрыгивает
через поросенка...*

И он перепрыгнул через Свена.

*Лис Шустрик перепрыгивает
через поросенка...*

И зазвучала песня про всех животных, точь-в-точь такая, какую люди поют о всех мальчиках и о всех девочках и обо всем на

свете. Получилась очень длинная песня, поскольку животных было очень много. Не удивительно, что, когда песня кончилась, все охрипли и захотели пить.

Но тут появились коровы Кока, Кола и Лимонада. Они предложили гостям лимонад и прохладительные напитки. Пир шел горой.

— А теперь раздадим рождественские подарки! — предложил То.

— Кто будет Юльтомте — рождественским домовым? — спросила корова Кули-вия. — Я предлагаю Филиппа.

— Спасибо за такое лестное предложение, — поблагодарил Филипп Ворчун, отойдя впервые за все время праздника на один шаг от Хохотуньи. — У господина Нильссона день рождения, и поэтому я начну с его пакета из Шотландии.

«Сердечные поздравления от твоего кузена», — прочитал он.

Стихоплет-кузнец принес большой пакет. Сорвав оберточную бумагу, он обнаружил маленькую шкатулку с замочком. Быку было страшно любопытно узнать, что там внутри, но он не осмеливался поднять крышку.

— *От моего дорогого, но очень скупого кузена*

Эндрю Мак-Клейна

из Абердена

Я получил эту шкатулку... —

объяснил остальным животным господин Нильссон. А потом начал гадать, что это за шкатулка и что в ней лежит...

— Быть может, свинья?

Или копченая рыбина?

Или чудесная пастила?

Или красная калина?

Или большая швейная машина?

Или клетчатая гардина?

А может, три бутылки вина?

Или несколько ломтиков апельсина?

Или канистра бензина?

Или новая шина?

Или разбитая мандолина?

Или золота пластина?

Или два горящих камина?

Или таблетка В-витамина?

Или пакетик ванилина?

Или долька мандарина?..

Наконец бык осторожно открыл крышку и даже вздрогнул от удивления.

— Подарок — слаще сахара,

Потому что в шкатулку

Бросила свои четыре ягодки рябина.

Бык кивнул головой. Пожалуй, он был чуточку разочарован.

Но ничего не поделаешь. Кузен Мак-Клейн был скуп, и четыре ягодки рябины лучше, чем ничего.

Затем стали раздавать и другие подарки, которые Филипп вытаскивал из множества пакетов. И каждому животному достался подарок: поросятам — коробка красных и белых мятных конфеток, похожих на поросят; Милле-Тысячеченке — 200 шнурков для ботинок; кузнечикам и сверчкам — новые смычки для их скрипачек; Ролику Рельсу — новая железнодорожная колея; теленку Щелку — фотокамера, снимавшая только веселых животных; Макс Пятнадцатому — водительские права, чтобы ни один полицейский не мог придраться к нему; редакторше Утке, чтобы не пользоваться карандашом, — каракатица, выбрасывавшая вещество, из которого делают тушь; Лосю — новый купальный костюм; Биллу-Козлу — билет в кино; Альрику и Ульрику — каждому по хлопчатобумажной фуфайке; Кукареке-Петрусу — новое зеркало; коню Мешку — несколько нержавеющей подков; доктору Медведю и Исидору — каждому по банке меда; Свее-Голубке — весы, чтобы взвешивать письма; лису Шустрику (по-шведски: Раску) пода-

рили маску, чтобы прикрывать его хитрую морду; Юну-Псу — снотворное; Буссе-Зяблику — шляпу с пером... Да, едва ли все и перечислишь!

Пригородные насекомые, слетевшись на радостные крики, стали, жужжа, кружиться среди гостей.

— Можешь угощаться медком, — сказали друг другу доктор Медведь и Исидор. — Можно мы иногда будем навещать тебя и лакомиться?

Долгое время казалось, что То и Сё останутся без подарков. Но вот и они получили большой пакет.

Они сорвали обертку — что же они там нашли? Да-да, холодильник, с самыми изысканными лакомствами: свиными косточками, колбасой, мясом, молоком, сливками, ну, словом, всем, всем, что только можно пожелать.

— Какая вкуснота, чмок, чмок, — причмокивал пес Сё. — Думаю, заберусь-ка я сейчас же в шкаф да и съем самый лакомый кусочек.

Не обращая внимания на протесты кота То, он влез в шкаф и закрыл за собой дверцу, чтобы никто не последовал за ним.

Когда все пакеты опустели, Филипп Ворчун чуть не падал от усталости.

— Думаю, мне надо отдохнуть, — тяжело дыша, тявкнул он.

— Сначала возьми свой пакет, — напомнила ему Чайка-Хохотунья. — И спасибо тебе, милый мой, за сережки, которые ты мне подарил.

— Раз ты так говоришь, я, пожалуй, посмотрю на свой подарок, — улыбнулся Филипп.

Но тут же выражение его морды изменилось.

— Гррр, — проворчал он. — Снова собачий кекс, хуже не бывает!

— Милый Филипп, — верещала Хохотунья. — Не ворчи в этот прекрасный июльский вечер. А не то я снова улечу домой, на остров Флен.

И она пощекотала пса под подбородком.

— Хо-хо-хо-хо! — зафыркал бульдог. — Да, конечно же, собачий кекс. Да, после Хохотуньи он мне нравится больше всего на свете. Но послушайте-ка, не потанцевать ли нам еще немного, прежде чем лечь спать?

Животные встали друг за другом, и на

улицах Города Авось да Небось начался веселый пляс.

— *И ныне снова июль, Рождество,
И ныне снова июль, Рождество...* —

запели они так громко, что эхо повторяло за ними все эти слова.

Когда часы пробили двенадцать, все уже страшно устали и начали приводить себя в порядок, чтобы отправиться домой. Господин Нильссон всегда имел обыкновение произносить благодарственную речь.

И вот он, ударив копытом о стол, потребовал тишины.

— *Ты, пес, и ты, кот,
Вы озорничали целый год.
Но было это весело и мило, вот...
И я поднимаю свой шляпот
И говорю: спасибо и...*

спокойной ночи вам, пес и кот, — произнес Стихоплет-кузнец и обнял То и Сё, этих добрых проказников из Города Авось да Небось.

— Но мы не желаем идти домой, — захныкал кое-кто из детенышей. — Еще слишком рано.

Господин Нильссон был оскорблен в своих лучших чувствах. Неужели они не слышали, что он говорил?

— Я сказал, и никаких возражений,
Никаких больше игр, никаких
песнопений,
Потому что, как вам известно, венец
Всякому делу —
Конец.

Для младшего школьного возраста

Ян ЭКХОЛЬМ

ТО да СЁ из города АВОСЬ да НЕБОСЬ

Художник А.Шахселдян

Редактор М.Массур

Художественно-технический редактор Н.Ганина

Компьютерная верстка О.Бойко

Корректор Е.Родишевская

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.10.96. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,5. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2739. С 060. Издательство «Сантакс-Пресс», 300058, г. Тула, ул. Кирова, 173а. (ЛР № 068773 от 21.12.94.)

Телефон для реализации (095) 268-25-44, (0872) 41-06-37.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Государственного Комитета Российской Федерации по печати. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

— Мы слишком высоко, —
вздыхнул Сё. — Никто нас
не узнает.

Чашка кружилась над городом,
но Теддисон так и не смог
посадить ее на землю.

Стих-иней уже капал
на лапу То.

